

№9

Сентябрь 2023

РУССКИЙ КЛУБ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЫПУСК

100

ДАТУНСКИЙ ХРАМ в Шамильском районе Дагестана.
Построен грузинскими миссионерами предположительно
в конце X – начале XI веков.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректур
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9
(215)
Сентябрь 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЫПУСК

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 РАЧА, ЛЮБОВЬ МОЯ...
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 8 НАШ САМЫЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ
НИНА ШАДУРИ
- 10 «УКАТИТЬ БЫ МНЕ В ГРУЗИЮ СНОВА...»
РАСУЛ ГАМЗАТОВ
- 12 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 16 ТБИЛИССКИЙ БЛЮЗ
ГАМИД АХМЕДОВ, ТИМУР АЛИБАЛАЕВ, ГУМЕТ АЛИЕВ
- 20 «ТОГО, ЧТО НЕ БЫЛО, НЕ БУДЕТ...»
ДИМИТРИЙ МОНИАВА
- 22 В КОНТРАЖУРЕ ЗАКАТА
ДМИТРИЙ ГАГУА
- 24 ЛОВЕЦ СНОВ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 26 НЕЖНЕЕ ШЕЛКА
ГОГА ЧКОНИЯ
- 28 ОСТРОВСКИЙ БЕЗ ГРАНИЦ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 32 LIT-TALK TBILISI: ЖИВАЯ ЛИТЕРАТУРА С КАВКАЗСКИМ АКЦЕНТОМ
ХАННА ПЕНМАН
- 36 ПОПЫТКА ИСПОВЕДИ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН, ЕЛЕНА ШАХНАЗАРОВА, КОРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 40 ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО НА «СВИСТУЛЬКЕ»
ВЛАДИМИР ЖУРЬЯРИ
- 42 МУЖЧИНЫ НАРАСПАШКУ
МИХАИЛ КАСОВ
- 44 ТАМ... НЕ ЗНАЮ ГДЕ
ИРАКЛИ ХОДЖАШВИЛИ
- 47 МОРЕ ЕЕ ЛЮБВИ
АРСЕН АВЕТИСОВ
- 51 ЦВЕТ И ТЕНИ БЕЛЛЫ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ

На обложке – РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Роб АВАДЯЕВ

ЖИЗНЬ РЕАЛЬНОГО ГЕРОЯ

Последние слова смертельно раненного на дуэли Пушкина были, как известно, обращены к книгам: «Прощайте, друзья!» Да, книги всегда были нашими друзьями во все времена. Они обучали, развлекали, заставляли задуматься и осведомляли. Это особый мир, часть человеческой деятельности, где переплетены вымысел, истории, мысли и судьбы выдуманных людей. И особенно интересно узнавать о реальных прототипах любимых героев. Сегодня мы вспомним человека, имя которого знают все с самого детства — это герой Александра Дюма-отца храбрый мушкетер д'Артаньян. Давно известно, что это собирательный образ. Но в истории был реальный человек героической судьбы, чья жизнь прошла в бурное время семнадцатого столетия. Его звали Шарль де Бац де Кастельмор д'Артаньян. И, представьте, не был он никаким дворянином. Его прадед Арно де Бац, богатый гасконский торговец, прикупил недорого у обедневших дворян усадьбу с замком Кастельмор и стал называть себя еще и де Кастельмор. И никакой это был не замок, а двухэтажный, не очень большой дом с пристроенными четырьмя башенками по углам. А вот внук Арно по име-

ни Бертран женился на настоящей дворянке из очень знатного, но небогатого рода Франсуазе де Монтескью из дома д'Артаньянов. И стал считать себя человеком «голубых кровей». Наш д'Артаньян по имени Шарль появился на свет около 1610 года. Точной даты никто не знает. Юношей он отправился в Париж, как и многие провинциалы, в поисках счастья и положения. Шарль, как и книжный однофамилец, сначала служил в гвардии — действительно, в роте Дез-Эссара. В юности наш герой, конечно, не слишком уделял время латыни и прочим наукам, а все больше шпаге и скачке в седле. Но ему повезло — Шарлю не пришлось слоняться без дела по узким парижским улочкам, по словам Теофиля Готье, «грудь колесом, ноги циркулем, плащ через плечо, шляпа до бровей, клинок длиннее голодного дня». Он стал кадетом и сразу же попал на войну, где показал себя исключительным храбрецом. В армии его дальней родни из де Бацев было немало, и Шарль решил себя назвать фамилией матери. Сохранилось распоряжение короля Людовика XIII, где он разрешал записать его в мушкетеры под именем д'Артаньян. Но времена были очень беспокойные, кардинал и король вскоре умерли, а наследник Ришелье Жюль Мазарини, фаворит королевы Анны Австрийской, не нравился ни аристократам, ни черни. И началась Фронда — оппозиция, на многие годы взбаламутившая французское общество. Так вот, наш реальный д'Артаньян был не врагом новому кардиналу, а другом. И даже его тайным агентом, подобно графу Рошфору в «Трех мушкетерах». Мазарини из-за безденежья распустил роту королевских мушкетеров на несколько лет, бывших гвардейцев предшественника — тоже. И эта обученная вооруженная беспокойная братия частенько возглавляла отряды мятежников. Дошло до того, что королева с малолетними принцами вместе с кардиналом Мазарини вынуждена была бежать из Парижа в простой карете. Их сопровождал и защищал только один человек — Шарль д'Артаньян. Говорят, кардинал называл его просто по имени, как доброго товарища. Мушкетер исполнял его самые крутые задания — забраться в осажденный город, привезти тайные письма и сводки, а, возможно, и кое-кого заставить «прикусить язык», благо шпагой реальный воин владел не хуже, чем книжный герой. Когда же Фронда закончилась, Шарля отблагодарили. Сначала выгодной должностью смотрителя королевского птичника (!), но потом — патентом капитан-лейтенанта новых королевских мушкетеров. И вот здесь наш герой показал себя настоящим отцом солдат — он на-

ладил настолько качественное военное образование, что вскорости мушкетеры превратились в элитную военную академию, куда присылали учиться курсантов даже из-за границы. И у этого, лихого гулаки в юности, среди подчиненных не случилось ни пьянок, ни кутежей, ни дуэлей. Они защищали короля и храбро сражались в боях. А д'Артаньян рос в чинах. Когда всесильный министр Кольбер решил проверить все дворянство на предмет самозванства (а это была добрая треть), то за Шарля вступился сам король Людовик XIV. Д'Артаньян прожил ярчайшую жизнь воина, рубаки, дуэлянта, тайного агента, офицера по особым поручениям и командующего элитной гвардейской частью. Маршалом Франции он не был, но полевым маршалом, или генерал-майором по-нашему, стал незадолго до героической гибели под стенами Маастрихта. Мы так и не узнали дня его рождения, зато точно знаем день его смерти — 25 июня 1773 года. Богатства после этого человека потомки не сыскали, как и его подлинных мемуаров... Но вы спросите об остальных трех друзьях. А их не было. Точнее, они были, но едва знакомыми друг с другом. Единственным другом нашего д'Артаньяна был другой гасконец, Франсуа де Бемо. Они немало вместе повоевали, а потом друга назначили директором Бастилии, где ему пришлось охранять особого узника — «Железную Маску».

МЕЛАНХОЛИЧЕН И МУДР

Ровно 410 лет назад, 15 сентября, родился еще один персонаж мушкетерской трилогии Александра Дюма. В романе «Двадцать лет спустя» он упоминается под именем принц Марсийак. А человеком-то он был настоящим и незаурядным — это герцог Франсуа де Ларошфуко, блестящий писа-

тель-моралист XVII века, автор знаменитых «Максим» и «Мемуаров». Этот высокий аристократ, наследник знатного рода, был одним из самых ученых людей Франции. Красив, учтив, красноречив, отважен, галантен, с юности окунувшийся в бурный поток светских любовных интриг. А еще – лихой бунтарь, один из лидеров оппозиции кардиналам Ришелье и Мазарини. В 1652 году в сражении с королевскими войсками под стенами Парижа его тяжело ранило, и герцог чуть не потерял зрение. После разгрома Фронды и вступления молодого короля Людовика XIV в город, Ларошфуко был амнистирован, а впоследствии окончательно и полностью прощен и даже одарен солидной пенсией. Поселился он в столице, где, после разрыва со своей многолетней пассией герцогиней де Лонгвиль, занялся литературной деятельностью, что прославило его имя в веках. Говорят, в последние годы его считали чуть ли не высокомерным мизантропом. О себе он писал так: «На моем лице запечатлелось выражение досадливое и горделивое, поэтому многие считают меня заносчивым, хотя качество это мне вовсе чуждо... характер у меня меланхолический, и меланхолия эта так глубока, что в последние три-четыре года я смеялся не более трех-четырех раз... Я не лишен ума и говорю об этом напрямик, ибо зачем бы я стал прикидываться?» Он высказал очень много замечательных и глубоких мыслей, и лучше читать его самого, чем читать о нем. Ларошфуко грустен и мудр. Вот одна из его максим: «Если не находишь покоя в самом себе, то бесполезно искать его в другом месте».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ДЖУЛЬЕТТЫ

В прекрасной Вероне ежегодно, уже много лет, 16 сентября отмечается праздник всех влюбленных. В этот день поздним вечером к одному старинному зданию приходят влюбленные парочки, многие даже приезжают в Италию из разных стран мира. И их так много, что очередь растягивается на несколько кварталов. А стремятся все они к одному заветному месту – балкону. Если влюбленные под ним поцелуются, то будет им счастье. Это знаменитый балкон дома Джульетты, героини бессмертной трагедии Шекспира, а выбранный день – день ее рождения. Но ведь она литературный персонаж. Если и существовал у нее реальный прототип, то в жизни все было, конечно же, не так, как у Шекспира. Но людям хочется верить в вечную

любовь. Как же вычислили этот день? О нем говорила кормилица Джульетты в разговоре с леди Капулетти: «На Петров день, это вы не сомневайтесь, я хорошо помню». А еще в трагедии есть упоминание о майской Пасхе. По этим фактам дотошные литературоведы установили точную дату рождения Джульетты – 16 сентября 1284 года. В этот день по всей Италии проходят шекспировские спектакли, балы и праздничные концерты. О трагической развязке истории влюбленных стараются не упоминать – все-таки это традиционный день любви и радости. Есть только одно темноватое пятно – балкон-то не настоящий. Его построили в тридцатые годы еще при Муссолини для съемок фильма. А разрушать рука не поднялась, уж очень его полюбили люди. Так этот балкон стал одной из главных достопримечательностей Вероны.

ПОЭТ, САТИРИК, ДИПЛОМАТ

Наш герой был одним из первых русских поэтов-сатириков и видным деятелем раннего русского Просвещения. Его звали Антиох. Он родился 21 сентября 1709 года в шумном Константинополе. Там, при дворе турецкого султана, почетным пленником жил его отец, молдавский господарь Дмитрий Кантемир, незаурядный человек, владевший девятью языками, блестящий литератор, переводчик и талантливый музыкант. Представьте, мелодии князя Дмитрия до сих пор входят в репертуар турецких музыкантов. Антиох талантами не отставал от отца. Он изучал науки, знал языки и был талантливым поэтом. Получил блестящее домашнее образование, учился в Греко-Славянской академии. С самой юности Антиох находился в гуще политических вихрей и дворцовых интриг. Он немало способствовал восхождению на престол царицы Анны Иоанновны. Именно Антиох прочел дворянскую челобитную о принятии титула императрицы, что помогло уничтожить навязанные ей Кондиции коварно-

го Верховного Тайного совета. Но с новой императрицей у него не всегда совпадали мнения, что не позволяло рассчитывать на высокую карьеру. Анна Иоанновна тем не менее нашла молодому князю применение. Он был послан на долгие годы с посольством в Лондон, а после в Париж, где в 1744 году и умер в возрасте всего 34 лет. Похоронили его в Москве, но в тридцатые годы захоронение было утрачено. Литературной деятельностью Кантемир занялся с ранней юности, первая публикация состоялась, когда ему было чуть больше 17 лет. Он писал стихи и басни, занимался переводами с иностранных языков. Современному читателю читать его непросто, слог Кантемира тяжеловат. Но свой вклад в просвещение Кантемир внес, его сатиры

пользовались успехом не только у публики, но и у такого строгого критика, как Феофан Прокопович. А самое ценное для изучающего нравы XVIII века – девять сатир Антиоха, четыре из которых он написал в Лондоне. Это любопытные произведения, основной целью которых было объяснить читателю, «что такое хорошо и что такое плохо». Он следовал традиции Просвещения и обличал пороки, считая позицию автора гражданским долгом. Именно поэты сатиры Кантемира были опубликованы на родине спустя почти двадцать лет после его смерти, хотя в Париже их французский перевод появился еще в 1740-х годах. Воистину, нет пророка в своем отечестве. Но Кантемира потомки признали и уважают, правда, изучая только на занятиях филологического факультета. Многие и не знают, что слова «депутат», «начало», «наблюдение», «вещество», «средоточие», «критик» и «вкус» введены в оборот именно Антиохом Кантемиром.

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Мой муж — рачинец. Правда, родился и вырос в Тбилиси, но корни в том месте, что выше облаков. Суровый, как рачинские скалы, немногословный, как положено потомку высокогорья, привыкший к трудностям жизни, потому, что всегда, все — сам, и жизнь не очень баловала. Но если на скалы падает солнце, то они улыбаются, нагреваются, дарят свет и тепло, не жалея сил. Поэтому, если он смеется, то от души, поет — тоже, радуется искренне и сердится тоже. Затем все заканчивается пестрой радугой невероятных оттенков на все небо. А еще есть правда. Любая! Скупая похвала или безжалостная, сметающая почву из-под ног. Но лучше не думать, а прислушаться и использовать все как стимул что-то изменить или идти вперед. Честная правда, как глаза рачинской дворняги: или любовь, или желание укусь. Слов тоже не много: ну, сказал один раз «люблю!», и хватит. Зачем повторять, если это один раз и на всю жизнь?

Я училась, мы вместе переживали все войны, революции,

90-е годы и, в конце концов, совершенно непохожие, стали семьей.

В том регионе тоже сочетается несочетаемое: ливень, неожиданно сорвавшийся с сине-лиловых небес и, вдруг, огромное, раскаленное солнце, вмиг разогнавшее темноту и смахнувшее слезы с лепестков большущих ромашек. Или шелковый утренний ветерок, обнимающий за плечи, ласковый и нежный, и, вдруг, ураган, ломающий деревья и уносящий крыши. Бурные, сумасбродные реки, стоя возле которых, не слышишь друг друга, и тихие, медитирующие минеральные источники, бьющие из-под земли. Ты приезжаешь сюда и впадаешь в ступор от этого воздуха — он уносит, покоряет, как и весь этот одухотворенный кушочек планеты. И понимаешь, почему не нужны лишние слова. Рача — это только ты и Бог. Здесь живешь, разговаривая с Ним...

Мы каждый раз приезжали сюда в августе с детьми, зелеными от жизни в центре города. И они за пару дней оживали, вы-

тягивались и даже приобретали румянец. Останавливались то в гостинице, то у частных, и всегда было хорошо. Однажды сняли две комнаты в большом частном доме по рекомендации сотрудника мужа. После долгой дороги по серпантинам и каньонам, сквозь густой молочный туман, марсианские пейзажи, пьянящий воздух, хотелось рухнуть и отключиться. И больше ничего.

Нас встречала большая семья — немногословные люди со скупыми улыбками без лишних эмоций спокойно помогли разместиться, показали дом, двор и хозяйство. Все было похоже на них самих — строго, ничего лишнего, даже немного аскетично. И все вокруг так же — дома без вычурности и помпезности, строгие и скромные. Все соответствовало пейзажу. И кругом — следы труда. Мне это нравилось.

Утром наши суровые на вид хозяева тихо постучались и протянули мне тарелку с горячими лобиани: «Поешьте, вчера вы ничего не ели. Если захотите для детей молока или мацони, от-

кройте внизу наш холодильник и берите. И сыр там же, свежий, домашний...»

Дети считали все, и мы не верили своим глазам. А потом были долгие прогулки по горам и полям, мостам и речкам — мы обошли пешком весь городок Шови и тропинки не оставили! Горы, горы, горы, зеленые, черные, снежные, округлые, острые, высокие и еще выше. Кругом — изумрудные поляны, ароматные и сочные, усыпанные горными фиолетовыми и розовыми цветами, длинными, на ножках-палочках, как эскимо, ромашковые полянки, извилистые каменистые дорожки, сосны — вековые и молодые, тянущиеся верхушками в небо. И реки, бурные, ледяные, к которым не подойдешь. В дождь неестественно громко гремит гром и неестественно ярко сверкает молния, рассекая почерневшее небо и вызывая страх и восхищение. И со всех сосен текут ручьи...

Наша новая семья ненавязчиво нас опекала и по вечерам старалась угостить каким-нибудь незамысловатым и очень вкусным угощением. Когда я говорила, что Рача — это рай, они широко улыбались, искренне радовались, и в их глазах заигрывала гордость и любовь к родной земле, к предкам, хлебу и всему, что добывалось нелегким трудом.

Я вставала рано и ждала солнце. В предрассветном тумане горы казались нарисованными. Оно появлялось из-за высоченной лысой горы, возвышавшейся, как вожак стаи, над остальными, и жизнь наполнялась скупыми красками, голосами, запахами и необыкновенным светом, похожим на находку художника. Если рассвет начинался с дождя, то горы одевались в сизый туман, сильнее пахло жизнью, хвоей, землей, а я все равно ходила по траве босиком. Однажды меня увидела за этим занятием бабушка хозяйской семьи — сухонькая, подвижная, ровная старушка в черной косыночке, с таким же скульптурным лицом и поблекшими от времени, но ясными глазами.

«Ты почему босиком ходишь? — строго сказала она. —

Разве можно молодой женщине простужаться?» — «А пожилой можно? Вы почему без кофточки в сырую, холодную погоду?» — «Это разве холод? — засмеялась она, и строгие черты куда-то улетучились. — Я за тобой наблюдаю. Ты кормишь нашу собаку, ласкаешь мою любимую корову, смотришь на горы и улыбаешься, значит, нравится у нас. Я все вижу!» — «Откуда вы все видите?» — «Воон моя кухня, другая, во дворе, идем туда». И отвела меня в свое простенькое пространство под огромным ореховым деревом с дровяной печкой, грубой мебелью и посудой. Все было аккуратно разложено, накрыто полотенцами, пахло деревом, хлебом и специями. «Вот и тесто подошло, сейчас приготовим с тобой лобиани. Ты любишь лобиани?» — «Очень!» — «Вот смотри, так мешаешь лобию со свиным жиром, добавляешь соль... Давай, делай и ты!»

Ничто так не успокаивает, как возня с тестом и аромат выпечки. А самое красивое зрелище — когда женщина готовит для своей семьи, любимых людей. Старушка ловко отрывала кусочки нежного, податливого теста, работала без скалки красивыми, тонкими руками, привыкшими к труду, смотрела на меня, улыбалась и хвалила. Ей не было интересно, кто я, откуда, как живу, о чем думаю, какой я национальности (ведь слышался акцент), даже как меня зовут. Было только это общение, священный момент передачи опыта от старшей женщины — младшей, пусть не родной, пусть далекой и почему-то ходящей по утренней росе босиком...

Каждое утро перед рассветом я бежала в конец двора в ее светлую, уютную кухню. Когда она только вставала? И мы колдовали в предрассветной тишине: процеживали молоко, готовили мацони или пекли лобиани.

«Как у вас хорошо, — говорила я ей. — Не хочется возвращаться в сумасшедший город». — «Это был наш с мужем дом. Мы были молодые и очень бедные! Спали вот на этой деревянной лавочке без матраса, — смеялась она. — Это потом потихоньку построили дом для сы-

новой. Муж давно умер, а я вот задержалась на этом свете...» — «Потому, что мы должны были встретиться!» — я обняла ее за плечи, а она неловко обнимала меня сухонькими, но крепкими руками, умеющими только отдавать, делиться, учить. Не привыкшая к ласке, диковатая женщина, верная своей земле и семье — вот такое сокровище я нашла в этих горах.

— Я скучаю по мужу, — неожиданно сказала она. — У детей своя жизнь, хоть они и рядом. С мужем мы все делили поровну — и трудности, и радости, и горе... Ты береги своего мужа, он тебя и детей очень любит!

— Откуда вы знаете?

— Я все знаю! — лукаво улыбнулась она. Возраст стерся, мы были просто женщинами и знали, как это порой тяжело. Я почувствовала в ней какую-то простую народную мудрость. Женскую мудрость. И поняла, что она не просто учила меня чему-то, а оставляла во мне часть своей чистой души.

Настало время отъезда. Утром рано я вышла и не нашла ее. Оказалось, что любимая корова, чего-то испугавшись, сильно ударила бедную женщину копытом, да так, что она слегла. Почему-то сильнее и больнее всего бьют те, кого любишь. Я зашла попрощаться, поблагодарить и пожелать выздоровления.

— Мне очень грустно, что вы уезжаете, — сказала она и прослезилась. Но взяла себя в руки. — Будь умницей, моя невестка испекла для вас лобиани в дорогу, ты же любишь, я не смогла встать...

— Все будет хорошо, татикджан, — почему-то вырвалось у меня, захотелось сказать именно так, хотя я никогда не называла своих бабушек «тати». — Мы приедем на следующий год, вы даже соскучиться не успеете.

— Наверное, мы больше не встретимся...

Так и случилось. Мы много лет не ездили в Рачу и больше не виделись. Но свет маленькой кухни — светлячка среди суровых гор, и все слова старушки остались во мне навсегда.

Рача, любовь моя! А теперь — и боль...

НАШ САМЫЙ ВЕРНЫЙ ДРУГ

К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова

■ **Нина ШАДУРИ**

Легендарный дагестанский поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, был, как широко известно, великим другом Грузии. И если отношения между Дагестаном и Грузией имеют богатое прошлое, вековые культурные связи (было время, когда у аварцев строились православные грузинские церкви и использовался грузинский алфавит), то Расул Гамзатов, можно сказать, стал символом этих отношений, этой дружбы. Он часто приезжал в нашу страну, обошел и объездил каждый ее уголок, написал много прекрасных стихотворений, посвященных Грузии и своим грузинским друзьям, перевел на аварский язык много прекрасных образцов грузинской поэзии.

«Расул Гамзатов всегда был желанным гостем для Грузии, — пишет М.Н. Набигулаева, научный сотрудник центра изучения литературного насле-

дия Расула Гамзатова Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. — В его творчестве сложился яркий и красочный цикл стихов о Грузии, явившийся результатом близкого знакомства с ней, с признанными представителями ее культуры, литературы и искусства Ладом Гудиашвили, Георгием Леонидзе, Карло Каладзе, Нодаром Думбадзе, Хута Берулава, Ираклием Абашидзе, Григолом Абашидзе, Ревазом Маргиани, Бесо Жгенти, Серги Чилая, Иосифом Нонешвили, Резо Чхеидзе и др. Расул Гамзатов проявлял к Грузии особый интерес. Грузия притягивала, завораживала поэта пейзажами, обычаями, традициями, талантливыми и образованными людьми, встречи и беседы с которыми были наполнены теплотой и радостью. Она стала для него источником вдохновения, подпитывала его творчество, обогащая его

Расул Гамзатов, Ираклий Абашидзе, Нодар Думбадзе

новыми темами, мотивами и образами. И потому цикл стихов о ней в творчестве Р. Гамзатова получился наиболее ярким и красочным по сравнению с другими циклами, к примеру, об Армении или Азербайджане. Для цикла стихов о Грузии характерно жизнелюбие, оптимизм, выразительность образов и оригинальность приемов. Он пронизан мотивами дружбы, добрососедства, взаимоподдержки, стремлением сохранить тесные связи между двумя близкими народами. Эти стихи выражали истинное уважительное и любовное отношение поэта к Грузии, ее народу, истории и традициям».

Произведения самого Гамзатова переводили замечательные поэты – Ираклий Абашидзе, Григол Абашидзе, Карло Каладзе, Георгий Шатберашвили, Морис Поцхишвили... «В Тбилиси Расула Гамзатова считают своим грузинским поэтом, – считал И. Абашидзе. – Его стихи любит грузинский читатель, они прекрасно звучат на грузинском языке».

За свою долгую жизнь Расул Гамзатов всегда был вместе с Грузией не только в радостях (например, на праздновании 250-летия Давида Гурамшвили, 800-летия Шота Руставели, декадах культуры, юбилеях своих друзей – выдающихся деятелей искусств), но и в горестях.

«В 1956 году, когда в Тбилиси расстреляли мирный митинг с участием студентов, Расул высил свой голос в России, – вспоминал поэт Отар Челидзе. – Он официально заявил о своем возмущении случившимся. «Не понимаю, как такое возможно. Мы строим социализм или что-то другое?» – так он выразился тогда».

Спустя годы, когда на нашу страну свалилась новая беда, Расул Гамзатович признавался: «События 9 апреля меня глубоко потрясли. Я горевал вместе с Грузией».

А в страшные 90-е, когда народы Северного Кавказа вступили в противостояние с Грузией в грузино-абхазском военном конфликте, и к ним вот-вот должен был присоединиться и Дагестан, Расул Гамзатов сделал все, чтобы ни один даге-

Григол Абашидзе и Расул Гамзатов

станец не принял участие в той войне. И добился этого.

«Расул всю жизнь был нашим другом, нашим самым верным другом, – говорил Джансуг Чарквиани. – Когда Грузии было тяжело, он всегда был рядом. Грузин знает цену дагестанской сабле. Подтверждение тому – наша грузинская национальная сабля называется «лекури». Это о многом говорит».

«Укатить бы мне в Грузию снова...»

■ **Расул ГАМЗАТОВ**

Переводы Якова Козловского

ЛЕКИ

Дочери Ираклия Абашидзе

Позади остались реки,
Гор заснеженных хребты.
В дом к тебе явился леки,
Отчего ж не плачешь ты?
Иль тебе в кругу домашних
Целый вечер напролет
О моих набегах страшных
Мама песен не поет?
Иль отец дочурке малой
Не рассказывал в тоске,
Что разбойник я бывалый
И живу невдалеке?
Что держу, ему на зависть,
Полудикого коня...
Знай, в краю твоём боялись
Даже взрослые меня.
Мной пугали в давнем веке
Малышей своих они:
«Спи, не то прискачет леки,
Баю-баюшки. Усни!..»
У развалин старых башен
Вьются стаи голубей.
Никому теперь не страшен
Леки в Грузии твоей.
Родилась ты ясноокой,
И тебя в твоих горах
Я, как звездочку, высоко
Поднимаю на руках.
На меня ты смотришь смело.
Хочешь, сядем у реки?
Из цветов я неумело
Для тебя сплету венки.
День прошел. У перевала
Ходит месяц в облаках.
И спокойно задремала
Ты у гостя на руках.
По ущельям мчатся реки.
И тебе в твоём краю
Напевает добрый леки:
«Баю-баюшки-баю».

НАНА ГВИНЕПАДЗЕ

Дорогая Нана Гвинепадзе,
Чуден твой Тбилиси в самом деле,
Но хочу я нынче любоваться
Не красой проспекта Руставели.
Дорогая Нана Гвинепадзе,
Что мне стены в шрамах да бойницах,
Я хочу сегодня любоваться
Звездами, что прячешь ты в ресницах.
Может, в них и кроется причина,
Почему с дружиною нередко
В Грузию тянуло Ражбадина –
Моего неласкового предка?
Разве мог он, дикий, хромоногий,
Дома тихой жизнью наслаждаться,
Если через горные пороги
Можно было до тебя добраться?
Опершись на кованое стремя,
Облаков папахой касаясь,
Я б и сам, наверно, в это время
Увозил трепещущих красавиц.
В седлах ясноокие подарки
Привозили прадеды с собою.
Может, потому теперь аварки
Славятся грузинской красотой!

НАД АЛАЗАНЬЮ

Я прошел над Алазанью...
Н. Тихонов

И я прошел над Алазанью.
Над ней, поднявшись со скалы,
В дозоре утреннюю ранью
Парили горные орлы.
Они назад меня не звали
И не пророчили беду,
Шел без ружья и без печали
Я, распевая на ходу.
Как в старину, река летела
За тенью птичьего крыла,
Но не от крови багровела –
Заря на грудь ее легла.
Проснулся лес на дальнем склоне.
И над волною наклоняясь,

Я взял зарю в свои ладони,
Умыл лицо не торопясь.
И где река, в долину вклинаюсь,
Чуть изгибалась на бегу,
Мне повстречался кахетинец,
Косивший травы на лугу.
Был на Ираклия Второго
Похож он чем-то, но ко мне
Идущее от сердца слово
Уже домчалось в тишине.
И улыбнулись мы друг другу,
Не помня дедовских обид.
Пусть лучше ходит рог по кругу
И дружба сердце озарит.
Я любовался Алазанью.
И утро, тьме наперекор,
К реке нетрепетною ланью
Спустилось с дагестанских гор.

ГРУЗИНСКИМ ДЕВУШКАМ

Могу поклясться именем поэта,
Что на манер восточный не хитрю,
Ведь я сейчас – прошу учесть вас это –
Не за столом грузинским говорю.

Известен всем того стола обычай:
Поднявший тост имеет все права
На то, чтобы слегка преувеличить, –
Лишь выбирай пообразней слова.

Но я в стихах так действовать не в силах.
О, девушки грузинские, не лгу,
Что вас, очаровательных и милых,
Я позабыть в разлуке не могу.

Зачем у вас так много цинандали
Мужчины пьют? Их не пойму вовек.
Меня лишь ваши очи опьяняли,
А за столом я стойкий человек.

Хоть дикарем меня вы назовите,
Хоть пожелайте мне упасть с горы,
Но я бы вас, уж вы меня простите,
Не выпустил из дома без чадры.

Ей-богу, не шучу я. В самом деле,
Завидно мне, что вновь одной из вас
Счастливец на проспекте Руставели
Свидание назначил в этот час.

Припомнив стародавние обиды,
Вы нынче отомстили мне сполна
За то, что вас аварские мюриды
В седые увозили времена.

Как вы со мной жестоко поступили:
Без боя, обаянием одним,

Мгновенно сердце бедное пленили
И сделали заложником своим.

Но чтобы мне не лопнуть от досады
И не лишиться разума совсем,
Одену вас я в горские наряды,
Назначу героинями поэм.

В ущельях познакомлю с родниками,
Ведя тропинкой, что узка, как нить,
И будете вы жить над облаками
И в дымных саклях замуж выходить.

В поэмах тех узнают вас грузины,
Но – верю – не обидятся в душе
И не найдут достаточной причины,
Чтоб обвинить аварца в грабеже.

Пусть продолжают думать на досуге,
Что на заре глубокой старины
Им были за особые заслуги
Волшебные создания даны.

Искрятся звезды над вершиной горной.
О, девушки грузинские, не лгу:
Я пленник ваш, я ваш слуга покорный,
Живущий на каспийском берегу.

Мне ваши косы видятся тугие,
Мне ваши речи нежные слышны.
Но все, что я сказал вам, дорогие,
Держите в тайне от моей жены!

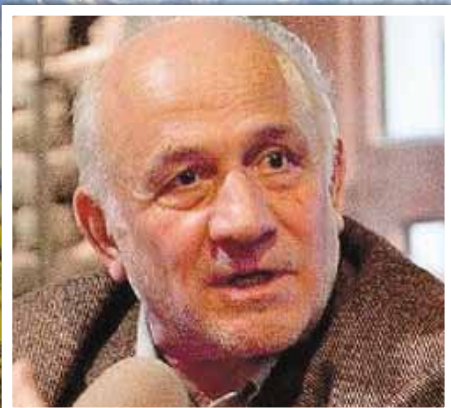
Прыгнув в поезд с перрона ночного,
Укатить бы мне в Грузию снова.

В первый день, как положено другу,
Я попал бы к Ираклию в дом.
И стихи мы читали б по кругу:
Я – вначале, Ираклий – потом.

Вслед за первым день новый – не так ли? –
Озарил бы в полнеба восток.
И поэтов бы кликнул Ираклий,
Чтобы с ними я встретиться мог.

Обнял всех бы, я им не кунак ли?
Через сутки залез бы в вагон,
И меня провожал бы Ираклий,
Передав Дагестану поклон.

Все дела мне хотелось бы снова
Суток на трое вдруг позабыть,
Прыгнуть в поезд с перрона ночного
И в Тбилиси к друзьям укатить.

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

Кв. № 20. Гурия

В двадцатой квартире жил одинокий холостяк Бичико Думбадзе — пижон и модник — весь в джинсах. Стоя под его дверью, Чипо потирал руки от нетерпения: «Ну, теперь посмеемся, Гия! Знаешь, какие остроумные гурийцы!»

Однако хозяин квартиры не оправдал ожиданий. Как и дядя Гурген, он знал, с какой целью мы обходим дом, и сразу объявил, что считает нашу затею глупой.

— Только вникните, голуби. В натуре: как можно по одному человеку о целой народности судить? — дядя Бичико закурил и протянул нам пачку «Мальборо», но, заметив наше удивление, спохватился: — Прошу прощения! Молодо-зелено! Будь здоров — всегда здоров! Я куда гну: есть мнение, согласно которому кахетинец — упрямый трудяга, имеретинец — воплощенная любезность, рачинец — медлительный гурман, а гуриец — остряк и балагур. Знают так и ходят: к рачинцу — пожрать, а к гурийцу — поржать. А я вот мрачный тип, — он посмотрел на нас и засмеялся. — Нумизмат и филателист. Всю жизнь деньги собираю — советские. И марки с надгробиями... Но вот ведь что удивительно: мнения оказыва-

ется сильнее нас, — дядя Бичико живо поднялся с дивана, обошел вокруг стола и верхом оседлал стул. — Вот смотрите! — лицо его оживилось, глаза заблестели. — Я родом из Чохатаури, из самой ни на есть Гурии. Стоило в институте об этом узнать — сомлели, ждуть, переглядываются, посмеиваются, хотя я и не думал острить или байки рассказывать. С других курсов лопухов приводили — поглядеть. Покрутишь тому пальцем у виска: «Что, дурачок? Ку-ку?» — он — ха-ха-ха, вроде остроумней в жизни не слыхал. За мной так и ходили трое оболтусов, слушали мои благоглупости и по институту разносили. К примеру, вваливаемся ватагой в троллейбус, встали в проходе; за нами женщина поднялась, попросила: «Гражданин, пройдите, пожалуйста, вперед!» Я продвинулся, но опять мешаю. Она: «Гражданин, пройдите, пожалуйста!» Я еще прошел, но никак не разминемся, может, толстая она или с сумкой. Слышу опять: «Гражданин, ну пройдите, пожалуйста, вперед!» Я и говорю в сердцах: «Сударыня, если б я хотел идти, я бы не садился в троллейбус». А моей ватаге того и надо: «Во дает! Ха-ха-ха!» Или на практике было дело, возле Гори полотно ремонтировали — я в железнодорожном учился. Парни из нашей группы присели на рельсы пере-

курить. Подхожу: «Подвиньтесь, — говорю, — чуток, дайте человеку сесть». Они глаза вылупили, а потом — ха-ха-ха! Не сразу я понял, что их насмешило. «Мало, — говорят, — тебе места в оба конца»... И ведь невдомек: жарница такая, что плюнь на рельсы — зашипит. Я и подумал — присяду, где они малость остудили... Так нет: раз ты гуриец, значит из тебя остроты, как искры из костра!

А ведь гуриец чаще всего не острит, а просто не теряет здравого смысла. Наперекор всему. К примеру, нашего князя какой-то хлыщ на дуэль вызвал, уж и не знаю, за что. На водах было дело, еще в те времена. Завтра, — говорит, — утром стреляемся в урочище. А князь на это: «Э-э, нет, голубчик! Этак я всю ночь глаз не сомкну, буду волноваться, ужасы себе представлять. Нет, коли стреляться, так сейчас же и здесь». Ну, хлыщ сперва оторопел, потом рассмеялся — помирились.

Вообще-то мы народ горячий, вспыльчивый. Раньше как было: барин грубо обошелся, или на жену не так посмотрел — шлепнул его из винта и — в лес. В учебниках истории так и писали: Гурия — край богатых революционных традиций. От нас в грузинский язык слово вошло — «пирали», что значит малый не в ладах с законом, или же благородный

разбойник, по-английски — Робин Гуд... Так вот: одного такого пирала выследили, поймали, ведут на расстрел. Погода гнусная, февральская крупа рожи сечет, за воротники затекает, словом, мерзость. Тащатся в гору, вязнут, оскользаются. Солдатики приуныли, а пирал насмешливо улыбается, ровно на свадьбу идет. «Ты чего?» — спрашивают его. А он: «Мне что! — говорит. — Мне в один конец идти. А вам по такой погоде еще назад возвращаться». Слава Богу, солдатики тоже гурийцы оказались, рассмеялись и отпустили молодца... Вот что значит — не терять головы.

А под конец повторю — глупая ваша затея, ребяташки. В натуре: я лично знаю уступчивого кахетинца — уж до того мягок, хоть полы им подтирай; знал быстрого рачинца — стометровку за десять и две десятых пробегал, и имеретинца-грубияна — не дай бог, какие пули отливал! Если хорошенько поискать, даже трусливого хевсура найдешь. А мрачный гуриец — вот и я, перед вами... Что же до родного края и его синегорья, мне сначала нужно узнать, как у вас обстоят дела с математикой.

— Нормально, — не без гордости ответил я.

— Гия у нас молоток! — поддержал Чипо. — Трехзначные числа в уме перемножает.

— Ну, такие способности вам не понадобятся, — сказал дядя Бичико. — Достаточно простой арифметики: сложите все лучшее, что вы слышали о других уголках Грузии, умножьте на два — и получите Гурию. А для большей точности вычитите рассказы наших гордых горцев — хевсуров и сванов.

— У сванов мы еще не были, — сказал я.

— Тогда покамест не подводи-те черту...

Кв. № 43. Сванетия

Сваны жили на самой вершине, под крышей. Они недавно поселились в нашем доме, и я не знал о них ничего, кроме имен — Мурзакан и Сиош Дашниани. С конца весны братья уходили в альпинистские лагеря, где оба работали инструкторами и возвращались к зиме, когда ущелья Сванетии заваливало снегами.

Застали обоих. Высокие, плечистые, в грубых свитерах и войлочных сванских шапках, они вежливо, за руку, поздоровались с нами и пригласили в дом. Чисто

побеленную комнату украшали развешанные по стенам туры рога. Над дверью скалилась пепельно-рыжая волчья голова, медвежьи шкуры с когтистыми лапами устилали пол. Удивленно озираясь, мы сели на трехногие табуреты, и Мурзакан начал так:

— В незапамятные времена поднялось наше племя по ущелью Ингури к Большому Кавказу и обосновалось там. До наших дней не было туда дороги. Жили отрезанные от мира, своим обычаем и законом, своими преданиями. Потому-то сохранилась у нас седая древность. Когда, наконец, добрались к нам ученые — оторопели; то, что казалось им давно отжившим, о чем они читали в старых книгах, жило у нас. Многие слов в наших песнях мы и сами не понимали. Что за Телепиа поминается в хороводе? Оказалось, Телепину — божество плодородия древних народов, ему поклонялись сорок веков назад! Над нами самолеты летают, а мы языческого Телепину славим. Нет, христианство мы приняли, как и подобает грузинам, но взяли и поженили Святого Георгия на рыжеволосой Дали — богине охоты: видно, очень уж пара понравилась... Однако вам, ребята, я расскажу о другом — о сванском мужестве и характере.

Сиош что-то сказал брату на сванском и вышел, а Мурзакан продолжал:

— Каждый сван от рождения альпинист. Такие уж у нас условия, такая природа. Тут и скалистые Шхара и Шхельда, и неприступная Ушба, и белоснежный красавец Тетнульд... Что ни гора, то вершина! Я же поведаю о человеке, который был выше всех вершин. — Он снял с головы сванку. Помолчал. — Вам знакомо имя Михаила Хергиани? — Мы с Чипо восторженно переглянулись. — Это — легенда альпинизма, великий скалолаз! Как сказал организатор первого восхождения на Эверест Джон Хант — он единственный в мире не ползал по скалам, а гулял по ним... Десятки людей спас Михаил, работая в горах спасателем. Недаром альпинисты называли его именем скалу, на которой проводят свои состязания... То, что я расскажу, случилось с Михаилом и его друзьями во время уникального восхождения на Ушбу. «Ушба» — «Шабаш ведьм» по-свански. Ее северный склон — тысячметровый отвес, местами с обратным уклоном. «Зеркальная

стена Ушбы» — называют его альпинисты. Именно по ней решили подняться на вершину шестеро сванских парней. Я слышал эту историю от одного из них.

...Позади осталась большая часть стены. Все собрались на крошечном выступе и, тесно обнявшись, перевели дух. Казалось продвигаться дальше нет ни малейшей возможности. Но Михаил Хергиани решил испробовать тот единственный шанс, который всегда остается у альпиниста.

Как нарочно, перед восхождением вместо ботинок он обул английские кеды — подарок друга. В сухую погоду кеды были незаменимы, но... Слушайте дальше...

Проверили связку, и Михаил стал нащупывать на скале выступ, в который можно было бы упереться хотя бы пальцем.

За двадцать минут он продвинулся метров на пять. По строгим законам альпинизма через каждые три-пять метров надо вколачивать в скалу крюк — закрепляться. В случае срыва веревка и крюк выдерживают вес тела, падающего с такой высоты.

Михаил продвинулся метров на сорок, так нигде и не вставив крюка: для этого нужны были обе руки, он же висел на выступах то на одной, то на другой, а то и вообще на пальцах.

Вдруг ужасный грохот чуть не оглушил восходителей. Это не был грохот обвала. Где-то рядом в скалу ударила молния. Хлынул дождь. Намокла скала и с каждой секундой увеличивалась опасность: на Михаиле были кеды, а они не держали на мокром камне. Так и случилось — кеды оскользнулись, и Миша повис на пальцах. Единственной его опорой оставалась небольшая щель — сантиметров двадцать в ширину и полтора — да, да, полтора сантиметра в глубину. Он висел на ней на пальцах — указательном, среднем и безымянном и пытался прикинуть, сколько сможет продержаться. Глянул вниз, в надежде увидеть друзей, но между ними вздулся выступ, преодоленный полчаса назад. Сколько он выдержит? Огляделся: скала над ним была гладкая, как стена оштукатуренного дома. Он знал свои возможности, не раз проверял их на тренировках — повиснув на пальцах, выдерживал до пяти минут. Неужели через несколько минут все будет кончено?..

— Отвяжите веревку! — крик-

нул он вниз и собрался с последними силами — перетерпеть, пока ребята отвяжутся.

— Зачем? — спросил кто-то из них.

— Так надо. И побыстрее, — Михаил старался говорить как можно спокойнее.

— Отвязываемся, только будь осторожнее! — крикнули ему. Ему стало легче. Теперь он готов был встретить смерть. И в последний раз Михаил запел свою любимую «Лилэ» (древний сванский гимн солнцу). Эта привычка — петь в минуты опасности — была у него с детства. Тринадцатилетним мальчишкой впервые отпросился он у отца-охотника и альпиниста — в горы. Отец устроил ему экзамен: одел потеплее, дал еду и кинжал и велел переночевать в пещере, у подножия одной из вершин. Михаил поднялся к пещере и сел у входа. Но в полночь, когда внизу, в лесу завывали волки и шакалы и заверещали ночные птицы, он, чтобы заглушить страх, запел.

С тех пор горы несколько раз слышали его пение.

— Ребята, Миша поет! — заволновались его друзья.

— Видно, туго ему приходится!

— Привяжите веревку!

— Миша! Эгей, Миша! — крикнул кто-то. — Мы привязали веревку!

— Не бойся, мы тебя не оставим!

— Вы что! Спятили?! — закричал Михаил, вмянаясь лицом в скалу. — Одумайтесь!

— Мы уже в связке.

— Отвяжите веревку, я падаю! — крикнул он.

— Мы с тобой, Миша! Вместе! Не бойся...

В отчаянье, без всякой надежды на спасение глянул Михаил на скалу. Глянул и не смог оторвать взгляда от крохотного выступа, который в лучах проклюнувшегося солнца отбрасывал едва заметную тень. Видно, в дождь он просто не разглядел этой шишечки... Вдруг через нее ведет дорога к спасению? Он изо всех сил налег на пальцы, подтянулся, как в детстве на перекладине: вот и подбородок уже выше пальцев, еще чуть-чуть... Перенес вес тела на левую руку, а правую вытянул и повис на этом выступе. Он выдержал. Вспыхнула искорка надежды. Теперь он переместил вес на правую руку, подтянулся на ней, а ногу вставил туда, где только что была левая рука...

Он не запомнил, как одолел

еще метров двадцать, как нашел, наконец, точку опоры и всадил-таки крюк в трещину. Пришел в себя только, когда глянул вниз и увидел спокойно поднимающихся вдоль веревки друзей.

На вершине опять зазвучала «Лилэ». Но на этот раз Михаил молчал. Ему хотелось слушать — слушать эту песню мужества, рожденную в горах...

Подарок тети Лали

Остаток недели я корпел над письмом для Сандро. Пересказать все услышанное от отца и соседей оказалось не так-то просто. Я сверялся с записями, припоминал подробности, расспрашивал Чипо — его цепкая память очень пригодились. Письмо было почти готово, когда позвонила тетя Дали.

— Ты еще не отправил ответ в Звенигород?

— Нет.

— Тогда, пожалуйста, не отправляй без меня...

Через два дня она пришла и прямо с порога завела:

— Я все думала, что же такое послать нашему Сандрику... чтобы донести до него душу родины, самую ее суть... Знаешь, лет тридцать назад, в начале космонавтики, в газетах печатали такие тесты: что вы положите в контейнер при запуске ракеты в другие галактики? Ответы были самые разные: Нефертити, «Мону Лизу», «Войну и мир», «Девятую симфонию»... Были и такие, кто предлагал загрузить контейнер собранием сочинений Ленина... Так вот: почти по тому же принципу я отби-рала посылку для Сандро... — она полезла в целлофановый мешок, украшенный скульптурой матери Грузии и монументом Горгасала.

— И что отобрала? — заинтересовался я.

— Прежде всего, наши древние храмы... Как это замечательно у Галактиона... — Она задумалась, припоминая, и прочитала восторженно:

Словно из области сна —
В облаке благодати
Пламенная белизна,
Плавных порталов объятье.
Кто же тебя сотворил,
Гору, любя, сотворил,
Волею горних сил,
Гора, Никорцминда!
Словно шумящий лес —
Купол широкой крыши.
К вольным блаженствам
небес

Выше восходишь, выше.
И — за пролетом пролет —

Шаг переходит в полет,
Высшее благо лиет
Сама Никорцминда!
Здесь твой грузинский взгляд,
Пьющий простор, всемирный,
Заревом красок богат*...

Ах, как прекрасно сказалось это у Галактиона! — Тетя Лали прервала себя на полуслове. — Но храмы в бандероли не пошлешь. Верно, милый? Я отобрала пластинку с народными песнями. Со знаменитым нашим многоголосьем, о котором великий Стравинский воскликнул: «Услышать грузинское пение — и умереть!» И еще вот это, — она извлекла из целлофанового мешка альбом Пиросмани, испытующе посмотрела на меня и, видимо, не встретив понимания, продолжила напористо: — В его картинах, как в храмах и песнях, хранится душа Грузии. Мы много толкуем о нашем промежуточном положении — между Европой и Азией. Так сказать, на задворках континентов; в сущности — двойная провинция. Но с другой стороны — место встречи великих культур. На примере Руставели мы знаем, какие результаты может дать такая встреча! Так вот — Пиросмани второй великий пример. Искусствоведы находят в его творчестве отголоски Византии и Персии, однако, сплавленные в душе художника, они принесли сугубо грузинские плоды.

Письмо о художнике Пиросмани

Вот слова: Мука. Арба. Вино. Рыба. Хлеб. Сад. Мельница. Женщина. Ягненок. Корова. Нож.

Представь себе, что в природе нет ни других предметов, ни других слов. Они впервые рождаются на свет и занимают место на черных клеенках тбилисского бродяги.

В картинах Пиросмани есть чудо, не выразимое словами.

Все попытки выразить его безуспешны.

Попробуем еще раз: Хлеб. Рыба. Сад. Женщина. Ягненок.

Нет, мы не способны превратить свое сознание в чистый холст, на котором с первозданной свежестью запечатлеваются предметы и понятия.

На выставке Пиросмани в Москве я слышала, как старая смотрительница зала удивленно

*Перевод М. Синельникова

говорила юноше в меховом жилете: «Молодой человек, вы семнадцать дней стоите перед этой картиной!..»

...На картине был изображен ослик; на ослике сидел лекарь. И это был первый и единственный ослик и первый и единственный лекарь на земле. Ослик не собирался никуда идти, а лекарю некого было лечить. Ибо никого, кроме них, не было на свете. Вот в чем чудо Пиросмани: люди, животные и звери на его картинах такие, какими они могли быть только в день творения. Свидетель таинства. Не потому ли на его картинах всегда царит лето, словно он не знал другого времени года?

Юношей пришел он в Город из кахетинской деревни. На пароме переправился через мутную Куру и вступил в Тифлис. И горбатый город обрушил на него ковровую пестроту резных балконов, резкий запах восточных базаров и тысячеголосый шум площадей.

Душа деревенского паренька была тихой, мягкой и чистой. А город был громкий, яркий и грубый. И он, как на воске, оттиснулся на юношеской душе. Носильщик. Повар. Разбойник. Жираф. Дворник. Кутилы. Девицы. Дети... От каждого нового впечатления душа вздрагивала, как веко от молнии, и ломило в груди, ибо именно там скапливались они, и юноша знал лишь один способ облегчить боль — перенести впечатление на картину. Нарисовать. Он и рисовал — много и быстро. Очевидцы уверяют, что небольшую картину за час, а большую — часа за четыре.

Надо было зарабатывать на хлеб. Никала — так звали его друзья, открыл малярную мастерскую по оформлению вывесок. Но вывески нуждались в надписях. А выводить буквы Никала не умел. В этом ли была причина, или заказчикам не понравились его картинка, но дело не пошло.

Тогда на пару с компаньоном он завел молочную лавку. Компаньон хозяйничал, а Никала готовил помещение; он побелил стены, нарисовал двух коров, — белую и черную, изготовил вывеску... На свою беду лавку открыли в бедняцком квартале, покупателям нечем было платить, и Никала все раздавал в долг. Меньше чем через два месяца они разорились.

Недолгая работа проводником на железной дороге... Новые впечатления добавились к ста-

рым — сбор винограда, давили, храмовые праздники... Нет, с этим невозможно было жить. Невозможно было носить в груди целый мир — для этого он был слишком сутул и узкогруд. Он должен был писать картины. И как можно больше!

К нашей радости, он написал их много. Очень много. В старом Тбилиси хватало духанов. А, значит, хватало работы для бродячего художника по прозвищу «Граф», за миску супа или стакан вина готового написать на закопченной стене «Оленя у родника» или «Рыбака в красной рубашке». Владельцы духанов задавали ему сюжеты для «картинок» и даже называли, кого из знакомых хотели бы видеть на ней. Собравшиеся за столом ремесленники и карачохели* узнавали изображенных на стене. А те прямо с картин обращались к ним: «За нашу компанию! Дай вам Бог благополучия и добра в жизни!» — Слова были написаны на картине, среди летящих по небу птиц. Или по-русски: «Да здравствует хлебосольного человека!»

Обычно духаны помещались в глубоких подвалах, куда даже летом не проникала жара. Пиросмани писал картины в расчете на подвальное освещение, красноватый свет керосиновых ламп.

«Медведь в лунную ночь»... Черный силуэт, обведенный серебряным нимбом луны... В сумраке душных катакомб он был как пролом в природу, глоток чистого воздуха...

Закончив картину, Никала съедал полученный за работу суп, выпивал стакан вина, брал свои краски и брел дальше. Никто не знал, где он живет и чем расплачивается за жилье. Нищий «граф». За всю жизнь он не работал и сотой доли тех денег, какие музеи мира готовы платить сегодня за любую из его картин.

Сохранилась фотография, на которой ему лет сорок; у него худое изможденное лицо с глубокими грустными глазами и отвислые усы. По воспоминаниям, он был высокого роста, сутулый, носил длинное пальто и шляпу с обвисшими полями.

Он рано осиротел. Своей семьей так и не обзавелся. Лишь однажды в его жизнь ворвалась женщина. Художник полюбил ак-

трису — чужеземную танцовщицу, выступавшую в одном из тбилисских ресторанов. Звали ее Маргарита. Маргарита была французенка. Каким ветром занесло ее в Грузию! Она едва говорила по-русски и совсем не понимала по-нашему. Пела веселые куплеты и плясала, легкая и красивая, как бабочка. Художник не знал французского. Но ему был доступен язык красоты. Он решил поднести французенке цветы. Не букет ширазских роз. Не ворох персидской сирени. Ему хотелось подарить такой букет, какого актриса никогда не видела. Но он был беден, нищ, а цветы стоили дорого... О его желании узнали друзья — тбилисские мастеравые, рыцарственные карачохели... Тбилисцы любят красивый жест, а Тбилиси — всегда немного театр. В одно прекрасное утро все цветы Тбилиси и его пригородов были брошены к стройным ногам танцовщицы. Их несли охапками, везли на фазтонах и арбах, ими завалили дом, тротуар и мостовую перед ним...

Маргариту разбудил чудесный запах. Выглянув из окна, она решила, что видит сон, и не сразу пришла в себя. Казалось, кто-то всемогущий и добрый сжалился, наконец, над ней и обратил в праздник ее пустую, незадавшуюся жизнь. Нет, она не скрасила одиночества художника — не судьба! Но навсегда осталась жить на его картине — в платье с оборочками с букетом роз в руке, целомудренная и чистая, как девочка...

Нико Пиросмани умер на Пасху, весной 1918 года. Могила его неизвестна. Город потерял своего сына, но не забыл его: в старом районе, против Метехской скалы стоит памятник художнику — пожилой коленопреклоненный мужчина прижимает к впалой груди слабого беспомощного ягненка*.

Они больше никогда не расстанутся — Город и его Художник.

По совету отца я обошел наш дом и записал все, что поведали наши соседи о разных уголках Грузии.

Только об Имеретии я никогда не расспрашивал — хотел сам рассказать о том, что полюбил с детства.

*Дословно: носящий черную чоху, колоритная фигура старого Тбилиси.

*Замечательный памятник создан скульптором Э. Амашукели.

ТБИЛИССКИЙ БЛЮЗ

У нас в гостях – журнал «Литературный Азербайджан»

Все то, что случилось с нами – пройдет,
утонет в толпе незнакомых фигур.
Сегодня в Тбилиси ночной музыкант
со скрипки роняет мечты, миражи...
Я бережно их собираю в фолиант
моей постаревшей от боли души.
Мы прожили август, упали в сентябрь,
погода ни к черту, трамваи, мосты...
...Оставь на прощанье свой голос хотя б,
как память о лете,
пустой монастырь.

ГАМИД АХМЕДОВ

ТБИЛИССКИЙ БЛЮЗ, или ИСПОВЕДЬ ИММИГРАНТА

Вокзалы остывали после жаркого,
прощаньями измученного дня,
и вечер наполнял пространство парка
прохожими и криками менял,
художниками, продавцами ваты,
танцорами и лепетом детей...
И бликами дразнил замысловатый,
кувшинками украшенный бассейн.
Пространство оживляли музыканты,
и в воздух проникал вечерний зной,
дрожащий, будто души иммигрантов,
тоскующих по родине весной.
Мой дом ветшал, его пустели арки,
своих соседей новых невзлюбя...
А вечер наполнял пространство парка
пронзительным отсутствием тебя.

В Тбилиси сегодня играет дождь:
вниз по проспектам потоки как ртуть.
Все то, что случилось там – не трожь,
все то, что закончилось здесь –
позабуди.

Пусть эпилогом минорных нот
прольется на улицы светлый ноктюрн.

ТИМУР АЛИБАЛАЕВ

ПОЕЗД «БАКУ - ТБИЛИСИ»

...О, поезда в ночи!..
Классический нуар,
и музыкантов треп в бессонном тамбуре.
Как трогательно-стар репертуар:
о том, какая осень в Санта Барбаре,
о том, что все бывшее – призрак тут,
а будущее, несомненно – тайна.
Так спи с актрисами, мой друг,
непризнанными и
умеренно вульгарными.
И выбери себе просторный дом
с цветами и большими окнами,
в котором тени, павшие на пол,
однажды станут для тебя дорогами.
И заведи себе друзей, в круг

стр. 17

мазом вернулись от врача в палату. Лали лежала с закрытыми глазами, не открывая их, металлическим голосом отчеканила:

— Похороните меня в Грузии, где я родилась. Я должна знать, где буду лежать, до того, как уйду туда.

— Мама, тебе сделают ... — Нана попыталась перевести разговор в другое русло, но Лали, словно не слыша ее, перешла на грузинский язык:

— Вы так сейчас зашли, как будто я уже умерла. Тамаз, лети в Грузию, подбери место, где я буду лежать. Поторопись, сынок.

— Хорошо, мама. Тамазик сегодня же полетит, — быстро согласилась Нана.

Тамаз поцеловал матери руку и удалился. На следующий день он позвонил Нане из Грузии и сообщил, что на местном кладбище трудно найти место, которое соответствовало бы маминым пожеланиям.

— Нана, я здесь только что познакомился с новым другом! Он меня понял и показал очень красивое место — правда, дорого... Но маме понравится, я знаю ее вкус. Брат?.. У меня через три часа самолет, — взволнованно кричал в телефоне Тамаз.

— А вдруг ей не понравится, ты же ее знаешь! — забеспокоилась Нана.

— Мой друг говорит, это самое лучшее место на этом кладбище.

— Хорошо, оплачивай и вылетаю. Целую! — Нана облегченно вздохнула и отправилась в больницу подменить Эмму, пятнадцатилетнюю дочь Тамаза, дежурившую там всю ночь.

Перед дверью в палату Нана остановилась, прислонилась к стене. Комок подкатил к горлу. По коридору проходил мужчина в спортивном костюме, в тапочках, с перевязанным глазом. Он остановился и сочувственно заговорил:

— Здесь, должен заметить, все болеют! Здоровых тут нет. Может, только, извините, врачи. Бессмертия нет, уверяю вас!

Мужчина шагнул в сторону Наны, сверля ее одним глазом:

— Хотите, прочитаю вам мои лирические стихи?

— Спасибо, как-нибудь в следующий раз...

Нана промокнула лицо салфеткой, открыла дверь и тихо вошла в палату. Лали лежала и листала модный журнал.

— Мама, здравствуй! — Нана подошла и поцеловала Лали в

лоб. — Как ты себя чувствуешь? Утром я разговаривала с врачом, он сказал, есть небольшое улучшение.

— Тамаз прилетел? А врач врет! Так же, как вчера врал. Знаешь, как тихо ходит, гад? Никогда не слышу, как он подошел! Ему самому, наверное, легче, а мне нет, — Лали сняла очки. — Потрогай, какие руки холодные.

— Давай, я согрею твои руки. Журнал надо убрать, а руки согреть под одеялом. Вот так.

— У тебя руки еще холоднее, как у лягушки. Журнал не убирай! Там красивые фасоны! Нана, я должна знать, в чем вы меня будете хоронить. Вам все равно, а мне нет. Все, кого в моей деревне хоронили, были красиво одеты. А я к ним приду в старом платье?

— Мама, об этом рано еще говорить. Дай Бог тебе здоровья!

— Купите и покажите мне, чтобы я знала, в чем приду туда, — раздраженно отрезала Лали.

Телефон Наны зазвенел мелодией «Ваше благородие, госпожа удача». Лали недовольно поморщилась. Звонил Тамаз: самолет приземлился, он едет на такси в больницу. Нана ласково обратилась к матери:

— Мама, не переживай, все сделаем, как ты хочешь. Видишь, Тамазик быстро все выполнил, договорился насчет места, как ты просила. Скоро придет и все расскажет.

— О-ч-чень приятно, — сквозь зубы проговорила Лали. Закрывает глаза, показывая, что устала и разговор окончен. Нана тихо вышла из палаты, ей надо было сделать несколько важных звонков по работе.

Тамаз появился с торжественным видом человека, исполнившего свой долг, с коробкой в руках. Нана разговаривала по телефону, косясь на подошедшего брата, а закончив разговор, заметила:

— У тебя такой вид, словно ты не на кладбище ездил, а на свадьбу нового друга.

— Анзор отвез меня в аэропорт и просил передать от его семьи хачапури. Бабушка Анзора приготовила специально для мамы. Он — настоящий друг!

— Тамаз, ты в своем уме?! Будешь маме хачапури предлагать, когда она только воду пьет. Пока тебя не было, Эмма мне рассказала, что за несколько дней до того, как попасть в больницу, мама просила, чтобы ее креми-

ровали, и пепел в коробке поставили на полку шкафа в комнате! Я только представила себе эту картину, и мне прямо плохо стало!

— Так я что, зря летал и улаживал все это с местом? — возмущился Тамаз.

— Успокойся, мама уже забыла об этом, раз отправила тебя в Грузию. Думаю, просто пугала нас.

Неожиданно в коридоре вновь появился мужчина с перевязанным глазом. Остановился напротив Наны. Игнорируя Тамаза, таинственно произнес:

— Один идет прямым путем, другой идет по кругу, как писала Ахматова. Могу я предложить вам мои собственные стихи?

Нана, не мешкая, взяла Тамаза под руку, поворачивая его в сторону двери в палату. Тамаз, высвобождая руку, перешел на грузинский язык:

— Да... И где ты их только находишь? Слава Богу, мама не слышит!

С этими словами Тамаз открыл дверь, и они с Наной вошли в палату. Мать лежала с закрытыми глазами. Дети в нерешительности остановились около двери.

— Рассказывай! — не открывая глаз, приказала Лали.

Тамаз поспешно подошел к кровати, поцеловал руку матери — он всегда целовал ей руки. Лали открыла глаза и удивленно спросила:

— Хачапури привез?

— Да, мама! Вот не знаю — тебе можно?

— Дай попробовать, — мягко попросила Лали.

Тамаз победоносно посмотрел на оторопевшую сестру.

Пока Лали ела хачапури, все молчали. Лицо матери просветлело, ела она с удовольствием, словно и не болела. Улыбнувшись, вновь обратилась к сыну:

— Немного недосолили! Рассказывай!

Тамаз подробно поведал о месте будущего захоронения, не забыв упомянуть нового друга Анзора. Мать слушала без эмоций, глядя на Тамаза, а, когда он закончил, спросила:

— Рядом с кем я буду лежать?

— Мама, клянусь тобой, не знаю.

— Тебе все равно, с кем рядом будет лежать твоя мать?!

— Мама, я не знал, что это важно. Сейчас узнаю, — с этими словами Тамаз набрал номер. — Сейчас позвоню Анзору и спро-

шу у него.

— Привет! Как себя чувствуешь, Анзор? Долетел хорошо. Спасибо, хачапури маме понравились. Как здоровье твоей бабушки? Передай ей привет от всех нас. Как дома, как дети, как жена? — прикрыв телефон рукой, Тамаз шепотом пояснил: — Его жена опять беременна.

— Боюсь, я не успею узнать... — Лали закатила глаза и печально посмотрела на Нану, которая уже делала знаки Тамазу, чтобы он не затягивал.

— Анзор, тут меня мама торопит, боится, не успеет узнать, что хотела, поэтому я сразу у тебя хочу спросить: ты сейчас на кладбище? Что? Хорошо, что ты на кладбище! Мама хочет знать, рядом с кем ее могила, кто захоронен справа и слева? — Убрав телефон за спину, Тамаз многозначительно сказал: — Он понимает, что вопрос тонкий, сейчас пройдет и посмотрит. — И снова в телефон: — Да, да я слушаю... Как? Лобадзе Нино? — Тамаз посмотрел на мать и сник. Лицо Лали исказилось в гневной гримасе:

— Рядом с этой ... я лежать никогда не буду! Если похороните рядом с ней — прокляну!

— Мама, ты что, ее знаешь? — удивилась Нана.

— Ее все знают. Не успела мужа похоронить, уехала в город и без брака жила с каким-то учителем пения. Бесстыдница!

Тамаз сидел на стуле, свесив голову. Нана была в замешательстве — что делать? Паузу нарушила Лали, обращаясь к сыну:

— Тебе надо полететь и выбрать нормальное место. Твой друг Анзор ничего не понимает. Опозорить меня хотите?

Тамаз обреченно поднялся со стула и посмотрел вопросительно на сестру.

— Тамазик, надо ехать. Мама нервничает, а ей нельзя сейчас переживать. Пусть Анзор за эти деньги другое место подберет.

— Только не внизу, где сырость, — вставила Лали.

Тамаз поцеловал матери руку, попрощался с Наной и ушел.

Так случилось, что Тамазу пришлось слетать в Грузию и в третий раз. За это время произошло, по мнению врачей, настоящее чудо: Лали стала чувствовать себя настолько хорошо, что ее выписали из больницы. По случаю такого радостного события вся семья собралась в доме. Лали царственно восседала на

диване.

— Теперь покажите мне, в чем вы хотели меня хоронить? — обратилась она к родным.

— Мама, к чему теперь этот разговор? Слава богу, ты выздоровела, прекрасно выглядишь, — робко возразила Нана.

— Но вы же думали, что я умру? Неужели вы ничего не купили заранее? Показывайте!

Нана, предвидя, чем может закончиться разбор купленной одежды для похорон, спешно заявила:

— Мама, этим занимался Тамазик, он знает твой вкус. Я весь день на работе.

Тамаз вышел из комнаты и вернулся с большим пакетом, на котором была изображена модель, рекламирующая нижнее белье.

— Здесь все, как ты просила, — с этими словами Тамаз вывалил содержимое пакета на диван.

— У вас никогда голова не работала — посмотри, в какой пакет ты положил вещи для похорон! Я что тебе, девочка? Замуж выхожу? В этот пакет приданое для своей дочери положишь! — отчитала сына Лали, перебирая и ощупывая вещи.

— Спасибо, бабуля! Предлагаешь положить мое приданое в пакет, где лежали вещи для похорон? — скороговоркой вставила Эмма.

— Покрывало надо поменять на черное, — заявила Лали.

Тамаз посмотрел по сторонам, ища взглядом поддержку у сестры:

— Мама, но ты сама три месяца тому назад просила купить тебе покрывало красного цвета! Я тебя отговаривал. Хорошо, что в магазине работает жена моего друга. Она сказала, что для похорон лучше темное, но если мама хочет, то бери красное. Через месяц ты захотела поменять красное покрывало на белое. Мне стыдно перед другом! Я сказал, что ты еще жива, и хочешь поменять красное покрывало на белое, но не смог объяснить, почему. Продавец, наверное, подумал, что ты хочешь, чтобы тебя похоронили, как невесту, но стесняешься сказать. Как я теперь приду в магазин, чтобы снова менять белое покрывало на черное? Мне стыдно! Они ведь думают, что за это время ты уже наверняка умерла, — Тамаз нервно ходил туда-сюда вдоль дивана.

— Что ты ходишь, как часовой? С кладбищем договорился, и с

покрывалом договоришься. Тебе стыдно перед другом, что мать еще жива?

Лали продолжала перебирать и ощупывать вещи. Неожиданно взяла трость, прислоненную к дивану, подцепила и подняла вверх туфлю. Наступила угрожающая тишина. Лали долго разглядывала туфлю. Тяжело вздохнула и, чеканя каждое слово, произнесла:

— Я такие туфли даже у нас в деревне не носила!

— Мама, это хорошие туфли! Будут в тон, черное покрывало и черные туфли, — не выдержала Нана.

— Не болтай! Туфли старомодные, каблука нет.

— Мама, зачем тебе там каблуки?! Танцевать собираешься? Там даже пешком не ходят! — терпение Тамаза было на исходе.

— Ты там был? — резонно спросила Лали. И продолжила:

— Кстати, и мобильник должен быть там со мной, на всякий случай...

Тамаз подскочил и выпалил:

— Мама, а если батарейка сядет, что будешь делать?

Лали ледяным тоном, смотря мимо Тамаза, продолжила:

— Пока не забыла, и деньги мне с собой положи.

— Бабуля, извини, что я вмешиваюсь в разговор старших, но хочу спросить... Ты там хочешь что-то купить? Сколько надо положить? — пришла на выручку Эмма.

— Я не знаю. Никто не знает, что там есть, а чего нет. На всякий случай положите. Сколько? Сколько твоей маме не жалко, столько и положите. Телефон около головы не кладите!

Наступила короткая пауза, которую снова нарушила Лали:

— Что? Не поняла, а где смена белья?

— Хочешь там переодеться? — задохнулся Тамаз.

— Я устала, хочу отдохнуть, — вяло сказала Лали, прикрыв глаза.

Все вышли из комнаты. Сели на кухне. Тягостную тишину нарушил младший сын Тамаза, Дато, твердо обратившись к Нане:

— Тетя Нана, если ты будешь умирать так же, как бабуля, с просьбами, по-жа-луй-ста, обращайся к Эмме!

...Через несколько дней Лали похоронили — в точности, как она завещала.

«Того, что не было, не будет...»

Димитрий МОНИАВА

Был сон и даже был тот дом,
И был застывший у порога
Военный Понт, покрытый льдом,
Как серый глаз единорога.
Как воздух, оникс и опал,
Как запах волчьего загона,
И опрокинутый овал
В тяжелой каске Легиона.
Так легкий путь, и плащ, и кров
Меж звезд. Кремнистое пространство
Предполагает постоянство
В отечестве среди миров.
И теплый мед и тихий свет,
Как посвящение Книги Судеб, –
Того, что не было, не будет,
Того, что было – больше нет.

ПАНТОМИМА

Кроша пенсне, как дети – бублики,
На пальцы улиц стек, как воск,
Печальный пасынок Республики,
Расплескивая талый мозг.
Блажен, кто в пальцах у анатома,
А кто в руках – блажен вдвойне,
Когда тела по сцене матовой
Сбегают, словно по спине.
Анатом скажет, что есть пластика,
Когда согнувшись в колесе,
Возлюбленная, словно свастика,
Пронзит все грани мира. Все.

Тень. Тени. Капли. Серебро с вином.
Епископ в кресле. Время. Так неловко,
Что прочее осталось за окном,
Где третий час идет бомбардировка.
Он верно спит. Точеные шары
На спинке кресла, в глубине пространства,
Напоминают влажные миры
Где не было ни сна, ни христианства.
Он стар еще. Он сделал лишь глоток.
И замыкают воздух как оправа,
Как медный Юг и бронзовый Восток –
Подсвечники, что за спиной и справа, –
Все линии, что пустота свела
Вокруг него, – и остается алый
Просвет окна и озеро стекла
И бомбы, что слетелись на кварталы.
Огонь все ближе к небу, – от чего
И облака похожи на ожоги, –
Оставь Его. Не оставляй Его.
Он спит за всех и видит сны за многих.

ДОМ НА РЕКЕ

I

Так догорает «Узбекфильм» в зрачке,
Смыкается эпоха, как ресницы,
Спивается Харон и при глотке
Все время смотрит в сторону границы,
Когда дома сносило по реке
Плыли картины, яблоки и птицы.

II

Ты смотришь побежденно, свысока
На Господа, гостей и господина,
Уже пять дней, как поднялась река,
И месяц, как у нас не будет сына,
Твой римский профиль горек, словно глина,
В которой отпечатали века
Свой горький профиль, римский, словно глина.

НИЩИЕ

Зрячим снятся огни и скелеты селений,
Ржавый дождь и костлявый
землистый кошмар,

Но на ошупь слепой вспоминает колени,
Как мосты Мирабо
и царицы Тamar.
Темный водный покой и кирпичная кладка
Отточили ладонь, как безумство – пророк,
Помнишь, грань отделяла расцвет от упадка
Ударений, ложбин, полусогнутых строк.
И как пальцы к узорам покинутой кожи,
Протянулись мосты над текущей водой,
Старый нищий хватал за колени прохожих,
И смеясь, на перилах сидел молодой.

ДЕТСКАЯ ГРАФИКА

С выгоревших листьев
В белое окно
Каплет евхаристий
Черное вино.
На одном дыханье
Выгнулась, черна,
Белыми стихами
Белая стена.
Нет земли в искусстве,
Бога – на земли,
В белизну, как в пустынь,
Чернецов свели.
Так в низовьях Леты
Обжили места
Белые поэты
С белого листа.

БАЛЛАДА

Все проходит и здесь,
над стальными изгибами улиц,
Словно пленный тевтон
и готический снег по ночам
Или тяга снегов,
но литые снежинки тянулись
К узким горлам оленей
как к узким армейским плечам.
Это только Кура,
но Кура двуедина, как локон,
Что ложится на щеку,
как пани Марина на стол,
Мир мой бледная Польша,
рабочих рассветов и окон
Сизый голод стихов,
и запущенный сад, как костел.
Колесо захрипело,

и как антология знаков
Потянулись глазницы
раввинов, магистров, калек.
На запретном жаргоне
Звучит Кенигсберг словно Краков.
Так звенит семисвечник,
Марина, да был ли тот век.
В напряженные, –
До мессианства натянута – белые двери
Пленный немец стучал,
как по нотам маэстро-педант,
И как ноты стояли солдаты унылых
империй
В телеграфных полях, а глаза это
только талант.
Католический бес доиграет на спутанной
жизне,
Так скелеты германцев исходят из
бурых низин
Шел готический снег,
И литые снежинки ложились
На сплетенье теней
и на хрупкую землю грузин.
Все проходит и здесь,
как войска, символизм, эйфория,
Так природа вещей
отрицает направленный свет,
Но когда на рассвете
из города вышла Мария,
Шел готический снег.
И никто ей не кланялся вслед.

ГРАВЮРА

Погасли свечи, окна
и дома,
Умолкли скрип колес и
кривотолки,
И только хлябь, и сторожа,
и волки,
И факелы, и оспа, и чума.
И рыцари толпой у кабака,
Глаза их налиты вином
и кровью,
Немой тоскою
по Средневековью,
Которое не кончилось пока.

В контражуре заката

■ **Дмитрий ГАГУА**

ИЗ ЦИКЛА «СНЫ КОРНЕТА КАКАДУ»

*Кто выдумал, что мирные пейзажи
не могут быть ареной катастроф?
М. Кузмин*

Ночь, улица, фонарь, аптека, люмпен.
Скульптура посреди овальной клумбы:
скуластый гегемон с веслом и горном.
Дома: публичный, далее – игорный,
жилой, казенный и т. д. В отеле
мест нет и не надейтесь. Сделав дело,
угрюмый мавр уходит прочь отседа.
Портье ведет крамольную беседу
о вечности с доверчивой собакой.
Все тот же люмпен в брюках цвета хаки,
размякший после водки под пельмени,
особенно охоч до Мельпомены:
«Искусство – ик! – принадлежит народу».
Собака неопознанной породы
кусает искусителя за мякоть.
Портье визжит: «Вяжи ее!», однако
напрасно. Ночь. Дома. Семейный город.
Дежурный мент от счастья на заборе
обводит мелом букву «Й». На башне
бьет четверть. Впрочем, это все неважно.
Мой люмпен спяну пялится в пространство
под юбку Мельпомене. Муза в трансе,

жена крушит фаянс о череп мужа.
Опять же ночь. Фонтан. Лунатик. Лужа.
На клумбе – гегемон затеял драку
с собакой. Но еще одна собака
тем временем пометила подножье
и высохший венчик. Веслом по роже
внезапно получает страж порядка,
случившийся поблизости. Украдкой
глядят в окно заезжие ацтеки.
Как говорится, ночь. Фонарь. Аптека.

Я забуду твой голос, походку, абрис
в контражуре заката, почтовый адрес,
отражение в зеркале, жест стеклянный,
окольцованный палец, тот – безымянный;
я забуду округлость – окружность бедер,
вереницу твоих недостойностей, вроде
пуританства души при порочном теле
и привычки крошить сухарем в постели.

Ты ж проставь себе галочку, крестик, номер.
Если так будет легче – считай, я помер;
разбирай мою жизнь, подводи итоги,
дополняй списки, перечни, каталоги,
ибо даже поняв и приняв сердечно,
тем не менее, помнить ты будешь – вечно,
до мельчайших подробностей, дорогая,
всепрощенье про черный день сберегая.

Ни о чем не жалею. Чем злей, тем проще.
Пусть другой постигает тебя наощупь,
в этом смысле мы квиты. Прощай, славянка!
На последние деньги я взял полбанки.
Оттого ль, что декабрь ворожит к запою,
ворошить что дела, что слова – пустое,
только ветер, по-зимнему свеж да светел,
все горланит, дурак, о любви и смерти.

ВЕРЕТЕНО

Вот и пришла пора прясть,
шерсть трепать да сучить нить.
Казну и скипетр, ключи и власть
захватила зима. Стало быть,
закрывай за собою плотнее дверь,
и садись да не спрашивай, верить ли нам –
все равно не ответим. А лучше – верь
песне веретена.
Пока непогода сулит покой,
поскольку дороги размыты в топь,
никто не стукнет в окно клюкой,

никто не войдет незаметно, чтоб
задуть огни, оборвать нить.
И мы прядем этой песне в такт.
Какая разница, что будут шить,
когда не знаешь, будут ли ткать.
И вьется меж пальцами нить времен,
и нам, избравшим иную часть,
дано от века не знать имен
и сроков, а просто – сидеть и прясть,
и быть незазванными на пир,
и быть неизбранными, ведь тот,
кто говорит, что не меч, но мир
принес – не ведает, что несет.
И значит, не время бросать прясть,
поскольку ключи и власть у зимы.
Хотя говорят, что надежней красть,
но пусть себе говорят, ведь мы
погасим огни да покинем дом
не раньше, чем постучат в окно.
А правда, если и есть, лишь в том,
что пело веретено.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ НЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Утром едешь на Кавказ –
солнце светит прямо в глаз,
едешь вечером в Европу –
солнце светит в тот же глаз,
потому что на Кавказ
надо ехать в поздний час,
а в Европу, учит опыт,
ехать утром – в самый раз.
На Кавказе ты турист:
пьянки, тосты, девки, твист...
А в Европе, по Эзопу,
ты не более чем глист.
Вот такая эта жисть,
прямо скажем – заежись!
Кто просил там рифму «ж..а»?
Получи и распишись.

Отъезд и дождь. Ах, Боже мой,
как это пахнет мелодрамой!..
Как будто в стареньком кино,
идем осенними дворами
и говорим о пустяках,
забыв о том, что
любви случайная строка

почти что в прошлом.

Отъезд к дождю... Не может быть;
наверно, все же, дождь к отъезду.
Километровые столбы,
промокший мир, и это бегство –
как бег по кругу. Но, увы,
тот круг порочен.
И вся история любви –
шестнадцать строчек.

ИЗОЛЬДА

По морю, по синему морю, по белому свету
плывут корабли из похода с добычей, с победой;
плывут корабли, брызжет пена и слышно,
как сзади
кричат полоумные чайки: «Быть свадьбе, быть
свадьбе!»
А ветер пропах криком чаек, туманом и солью,
а ветер как будто бы плачет: «Изольда, Изольда,
Изольда, голубка, останься, опомнись, не надо!..
В серебряном кубке любовь перемешана
с ядом».

Но кубок осушен, и души, как море, бездонны,
и тонет рассудок в безумьи сердец и ладоней,
и вечность становится мигом, а музыка – стоном,
и с губ пересохших срывается шепот: «Мадонна!
Мадонна, что делаем мы! Что мы делаем, Боже!
Горит смертный грех на губах поцелуем Иуды,
но душу свою от чужой отлепить невозможно;
не видим греха мы. Мадонна, что будет!
Что будет...»

А море несет корабли и уже постепенно
вдали обозначились берег и темная пристань;
там ждут королеву Изольду дворцовые стены,
там воздух пропитан латынью бессмысленных
тристий.
Но все-таки странно, любимая, все-таки странно,
что можно еще и дышать, каменея от боли.
Застыли в улыбке холодные губы Тристана,
а сердце позвало: «Изольда, Изольда, Изольда...»

...Золотая ладья
скрылась в небесах.
не зови, ведь я
стала чужой женой.

ЛОВЕЦ СНОВ

*Проплывая над городом сквозь года,
В косы месяцы дни заплетая,
Остаюсь с этим городом даже тогда,
Когда в жизни слегка пролетаю...*

■ Алена ДЕНЯГА

Георгий Чкония. Поэт, бард, переводчик, режиссер. В 1985 году окончил режиссерский факультет Тбилисского театрального института (курс Темура Чхеидзе). С шестнадцати лет работал на телевидении: помощником режиссера, ассистентом режиссера, режиссером, главным режиссером, сценаристом, главным продюсером. В разное время был ночным сторожем, актером на «озвучке», газетным корреспондентом, пограничником, редактором на киностудии. Лауреат премии им. Нико Николадзе, кавалер Ордена Вахтанга IV. Член Союза журналистов, Союза писателей и Союза ветеранов Грузии. Автор стихотворных сборников. Снял несколько документальных фильмов. Был на трех войнах. Постоянный участник Тбилисского Международного фестиваля авторской песни, проводимого «Русским клубом». Истинный тбилисец и последний романтик.

У Гоги Чкония — многочисленный клуб поклонников. Его любят за искренность, прямоту, честность, неподкупность, чувство юмора, которое приходит на выручку даже в самые сложные минуты жизни, и, конечно же, за его замечательное творчество.

Калининградский друг и товарищ по перу Александр Ванин как-то высказался о Гоге: «Есть люди, распространяющие вокруг себя спокойствие и силу. Они никуда не опаздывают и никуда не торопятся. Это не значит, что они пунктуальны, нет, просто они приходят в нужное время. В нужное время они приходят на работу, на встречу, на помощь, в твою жизнь. Как большое облако они плывут по жизни, то собираясь в грозное, то рассеиваясь до почти неразличимой дымки, но их присутствие ощущается постоянно. И от этого ста-

новится легче жить».

А вот как выразился о нем классик грузинской литературы Чабуа Амiredжиби: «Творчество Георгия Чкония, жизненный путь, приведший человека к жизнелюбию, к стойкости в беде, путь зажигающий огонь борьбы, побед и сознания, что — «нет, сударыня, предела совершенству!»

— Гога, расскажите, пожалуйста, о ваших родителях.

— Они были очень разными. Истории семей, образы их собственных родителей, даже социальные слои — все разное. Со стороны мамы, Тинатин Акакиевны Шония, — образованные, социально-политически активные, талантливые, в каком-то смысле романтические мегрело-абхазы. С папиной стороны — батумцы, по-своему очаровательные, но ужасные циники и конформисты. Как и где эти два мира вообще могли соприкоснуться? Только в странном XX веке, в Тбилиси, в театральном институте. Мама — юная бунтарка из Гагры, золотая медалистка, не пожелавшая продолжать семейные традиции «серьезных» профессий — педагогов, врачей, юристов. Она сбежала из Москвы, от матери, сделавшей головокружительную карьеру в Министерстве просвещения СССР, решила стать и стала студенткой режиссерского факультета. Папа — сын гадалки и директора базы мороженого и безалкогольных напитков, немного наивный 18-летний батумский парень, спортсмен, влюбленный в театр и поэзию. Студент актерского, сам в тайне «грешащий» стихами. Папа, к несчастью, рано умер. В сорок два. Работал он ассистентом, потом вторым режиссером у таких мэтров, как Давид Рондели, Георгий Шенгелая, Отар Иоселиани. Мама ставила спектакли в разных театрах, снимала документальные и музыкальные фильмы. Но ее главной любовью стало телевидение.

— А с какого возраста вы себя помните?

— Первые воспоминания отрывочны, и иногда трудно понять, настоящие они или это рассказы старших о моем «гениальном» детстве. Мне, например, кажется, что я помню, как мама и папа ходят по сцене в ночных пижамах — Петер и Анна в маминой постановке «Дневник Анны Франк». А я, трех- или четырехлетний, сижу рядом с кем-то из актеров в темном, полупустом театре маленького гурийского городка Махарадзе, теперь Озургети, и плачу — родители ложатся спать без меня!

— Вам часто снятся сны?

— После войны 1992-93 годов часто снилось, что я в каком-то до боли знакомом городе, занятом неприятелем, и пытаюсь из него выбраться. При этом все было настолько реально — запахи, ощущения, звуки, что просыпался в холодном поту. Но бывают и приятные сны, и странные. Несколько лет снился запах отца. Только запах. Я ищу его самого, ищу и не нахожу... Иногда я сочиняю во сне. Пару раз еле успевал записывать. Но, с тех пор как это случилось впервые, стараюсь держать ручку с блокомнотом у кровати.

— Поэзия — это психотерапия? Если да, то для кого? И для автора, и для читающего?

— Может, и терапия. Но, мне кажется, не нужно перегружать смыслами и сверхзадачами то, что само по себе — смысл. Достаточно того, что искус-

ство есть. А там можно наслаждаться им, мучаться, есть на обед и смаковать за ужином, драться, лечиться, если уж кому-то так приспичит.

— Как вам кажется, поэзия — как вино? Должна настаиваться? Или выплескивается в том виде, в каком к вам приходит?

— Настоящая, наверное, да, как вино. Или даже — коньяк. А плохая? Квас? Но, если без шуток и ложной образности, нужно время. Иногда и сам автор не в силах понять уровень написанного. Порой, то, что сначала казалось сапфиром или изумрудом, оказывается простой стекляшкой, а то и пылью. Хотя стекляшка тоже может быть красивой или забавной. К величайшему сожалению, все начинается, чаще всего, с усилия воли. Ну а дальше — как пойдет. Вдохновение может прийти, а может и нет. Мое мастерство в том, чтобы вы не почувствовали разницы... Фантастический результат может дать шлифовка. Но может и все испортить. Тонкий вопрос. Даже слишком тонкий. Может, лучше вообще не заморачиваться?

— Как вам легче пишется? В тишине?

— Это похоже на сексуальную потенцию. Если ты в форме, силен, настроен, уверен — никакие внешние помехи не играют роли. Писать, сочинять иногда можно и в окопе под обстрелом. А порой во вполне комфортной обстановке пишется такая чепуха! В идеале, конечно, «служенье муз не терпит суеты»... Есть, правда, и отличие — в искусстве мощь и количество никак не соотносятся с качеством. Иногда пара строк шепотом звучит сильнее грома небесного.

— Поэт оставляет вещь в себе или приоткрывает дверь в свой мир через творчество?

— Поэт? Разве это что-то однородное? Поэты такие разные. Между некоторыми из них, кажется, вообще нет ничего общего. Любый человек сложен. Даже тот, который не кажется таковым. А тут целый поэт! Ну, приоткрыл он дверь. И что? Каждый увидит в щель что-то свое. Если захочет. Если сможет.

— Вам интересна реакция вашего читателя?

— Конечно, интересна. Другое дело — как ее узнать? Настоящую, искреннюю, компетентную. Или некомпетентную. Ведь все очень сильно зависит от разных факторов — случайных и неслучайных. Успех — большой, настоящий, временный, частичный — все это для меня, не слишком склонного к мистике, какой-то заоблачный секрет.

— С кем из бардов, поэтов, которых нет сегодня с нами, вы бы хотели встретиться, пообщаться?

— С любимыми, конечно. Даже если у них окажется плохой характер. Галактион, Пастернак, Бродский, Булат Шалвович, Анна Андреевна. Дядя Миша Квливидзе — с ним мы с Гагой Нахуцришвили и Аликом Дарчишвили часто общались в его последние годы. Было хорошо. А теперь и Алика нет в живых. Да! С Высоцким и Галичем. Да мало ли?

— Гога, а кто из поэтов-классиков дал вам определенный толчок? Был период подражаний?

— Светлов, Окуджава, Есенин, Гумилев, Цветаева... Подражания, возможно, и были, но неосознанные. Разве что подражания тбилиско-кутаисской застольной лирике были сознательными — Шарвадзе, Гордезиани, Рамишвили... Но тут

скорее речь может идти о стилизации, целенаправленном эксперименте.

— Вы следите за литературными новинками? Что впечатлило?

— Стараюсь быть в курсе. Получается не всегда. Из отечественных авторов большое впечатление произвели Ака Морчиладзе, Бека Курхули.

— Вы много занимаетесь художественным переводом. Что вам интереснее переводить — прозу или поэзию?

— Поэзию я перевожу с ранней юности. Обычно это то, что мне самому очень нравится. С грузинского — Галактион, Отар Чиладзе, Мурман Лебанидзе, Михаил Квливидзе... С русского — Пастернак, Бродский, Шпаликов. К прозе, честно говоря, меня не очень тянуло. Да и ленив-с. Но повесть Беки Курхули «Убийца», на мой вкус, настолько хороша и актуальна, что не перевести ее — грех. Она уже опубликована на английском, итальянском, армянском, немецком и других языках. Тогда как ее потенциальная аудитория в значительной степени — русскоязычная: страны бывшего СССР и, прежде всего, Северный Кавказ. В процессе перевода я втянулся, и это даже стало мне приносить, если не удовольствие, то уж во всяком случае удовлетворение.

— Насколько, на ваш взгляд, в наше сложное время нужна поэзия?

— Скорее всего, не нужна. Но без нее жить было бы совсем невыносимо. И скучно. Вы можете со мной не соглашаться, но для меня хорошее кино, хорошая проза, живопись, музыка — все поэзия. Поэзия в широком смысле.

— Время нынче не поэтическое, без рефлексий, без сочувствия. Ваш рецепт — как не прогнуться под изменчивый мир?

— Мне не кажется, что времена, а точнее, люди в них, так уж сильно меняются. Темп, скорость — это да! Все чаще не успеваешь осмыслить суть происходящего. А вот как не прогнуться, не стать жалким неудачником — не знаю. Эту битву рано или поздно проигрывают все. Хотелось бы продержаться какое-то время и уйти, не потеряв достоинства. Но, увы, это почти невозможно.

— Не могу не спросить о Тбилиском фестивале авторской песни.

— Это, конечно, было здорово. Гости чудесные! Жалко, что не удалось включить в его орбиту многих грузинских авторов. Думаю, тут мы не доработали. Хотя какое это теперь имеет значение? События последнего времени поставили под сомнение будущее этого жанра как явления русской культуры. Само слово «русский» получило отрицательный привкус. Надолго или навсегда? Это, увы, зависит не от нас. Вообще поэты, барды — достаточно одинокие люди. Поэтому любой повод собраться, пообщаться, познакомиться, попеть — дорог. А фестиваль — праздник. Счастье, о котором потом еще долго вспоминаешь! Жизнь! И нужно быть благодарными тем, кто устраивал эти праздники, а это очень непростое дело, — Николаю Свентицкому за Тбилиси, Джавиду Имамвердиеву за Баку, Вадиму Гефтеру за «Облака» в Днепр... Жаль, что так, как было, не будет уже никогда. Но, может, будет что-то другое?

Нежнее шелка

Гора ЧКОНЯ

ПЕСЕНКА ПОЖИЛОГО МАЛЬЧИКА

Откинув голову, прижмусь к стене затылком,
В глазах пожар от непролитых слез...
А то, что истина нас ждет на дне бутылки –
Большой, но изучаемый вопрос.

День корявые пальцы повыпростал,
А сквозь них, как крупинки – года.
Я могу без насущного – запросто,
Вот без лишнего просто беда...

Открыта книга всем – вещает, лечит, учит,
А я ее, глупец, читаю по складам
И правит бал Его Преосвященство Случай –
Его язык понятен облакам...

На нетвердых ногах вверх по лестнице
И уверенно кубарем вниз;
Мне еще не такое пригрезится,
Кто сказал, что в движении жизнь?

Надеяться на то, что будет все иначе,
По меньшей мере глупо – не в нашу
пользу счет.
Но пусть я пожилой и невеселый мальчик,
Я все еще надеюсь, а значит жив еще...

За долги расплатились мы полностью,
За доверие даже с лихвой;
Я прощу вам недобрые колкости
Вы мне то, что вернулся живой...

ПЕСЕНКА О СМЕНЕ МОД

День длинней – короче год,
И, похоже, в жизни вечереет...
Не снесла прическа смену мод –
Старею...

Кружит шар земной во мгле непрестанно,
Без перерыва по нужде и в обед.
Ты кружи, дорогой, а мне вот что странно:
Не поверю никак в количество лет.

Чудный вечер – дню под стать;
Вечер тоже хочет верить чуду...
Мне еще, пожалуй, рано спать –
И не буду...

Кружит шар земной во мгле непрестанно –
Что ему года и коней моих прить?
Ты кружи, дорогой, а мне вот что странно:
Никогда мне так не нравилось жить.

Моды вечное движение,
Осени поэзия и проза...
Лишь горчит от приближения
Морозов.

Кружит шар земной во мгле непрестанно –
Стерли спины себе Слон и Кит.
Ты кружи, дорогой, а мне вот что странно:
Радость в сердце моем не спит...

Понять пытаюсь жизнь других людей,
Своим причудам не давая ходу,
Я перестану в немощи своей
Винить погоду.

У немощи, естественно, свой срок,
Но в пару с ней смирения мне не дал
Жестокий и насмешливый мой бог,
Который предал...

Но я смирюсь, ты знаешь, я готов
(под скулами ты видишь эту впалость?),
И кроме снов, проклятых вечных слов –
Что мне осталось?

ФОКСТРОТ

Зеваю. Зевота
В ритме фокстрота,
В ритме несбывшихся детских грез,
В ритме метаний,
В ритме мечтаний,
В снах, где я смел и груб, как гез...
Это
Непонятное что-то,
Я б «эксплейн», но зевота
Мой размазала рот.
Кто-то
Смотрит вполоборота
(в рамках гендерной квоты)
На размякший фокстрот.

Пардон, сожалею,
Я вас не клею,
Мне бы лишь плыть на этой волне!
Мне бы, ах, мне бы
В серое небо
Влиться, втесаться,
Но не вполне...

Частью,
Очень маленькой частью
Быть готовым для счастья
И для ветренных дней!
Знаю
И спиной ощущаю
Подобрался я к краю,
Краю жизни моей...

Друзья и подруги,
Зачем ваши струги
Так далеки от лодки моей?
Я ведь вам дорог,
Как полый морок,
И одинок до скончания дней!
...Впрочем,
Опечалиться очень
Нам не хватит ни ночи,
Ни воскресного дня.
Если
Я напряг уши песней,
Потревожил вас если,
Извините меня...

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

Я не против, чтоб меня забыли,
Как осточертевший старый зонт –
Просто между Сциллой и Харибдой плыли
И однажды не вернулись в порт.
Что пройдет, что взойдет – упадет, пропадет?
Во времена которые?
Кто в полет, кто в пролет...
Но это другая история.

Чтоб меня забыли, я не против.
Лучше б не при этой жизни, дал бы бог.
Просто утонул мой старый, утлый плотик –
Я держался за него, как мог.
Что пройдет, что взойдет – упадет, пропадет?
Во времена которые?
Кто в полет, кто в пролет...
Но это другая история.

Отчего поют по утру птицы?
Отчего наш мир таков, каков он есть?
Что не повторяются дни, минуты, лица?
Что там дальше? Дальше что? Бог весть!
Что пройдет, что взойдет – упадет, пропадет?
Во времена которые?
Кто в полет, кто в пролет...
Но это другая история.

НЕЖНЕЕ ШЕЛКА

В городе простуженном, где нем я,
Где еще вчера тепло мне было,
Существую, вспоминая время –
Солнце в нем мне душу золотило.

Неужели это все – и только?
Чашка вдрызг – и на полу осколки.
Незачем и недосуг вгрызаться волком...
Облака небес нежнее шелка.

Ничего не изменить и очень
Жаль, что не согреть меня надежде.
И готовит жертву злая осень.
Ничего не будет так, как прежде.

Неужели это все – и только?
На душе спокойствие. А толку?
Некому уже вгрызаться волком...
Облака времен нежнее шелка.

Небо слепо бельмами колышет,
Молча плачет осень бесприданница.
Жизнь моя так еле-еле дышит,
Кажется, мгновение – и преставится.

Неужели это все – и только?
На душе спокойствие. А толку?
Некому уже вгрызаться волком...
Облака времен нежнее шелка.

Константину К.

Мы все давно уже не мальчики
И это навевает грусть...
Порой степенности образчики,
Порой маразма – ну и пусть!

Иначе мерены-отобранны,
Иными мерами (а жаль!)
Отныне «берег очарованный»
И оцифрованная даль.

Мы были нежными и жесткими,
И прошлое – рябая муть.
Но все-же хочется по-прежнему
Через перила сигануть...

...И оказаться в Гаграх. Бабушка
Метет беседку и ворчит.
И кипарис, вот сорок лет уж как,
Стрелую во дворе торчит.

Я увяжусь за «дядей Костиком»,
Который старше лишь на год.
По лестницам, потом под мостиком,
На пляж – кадрить весь женский род.

Он меня учит уму-разуму
(Авторитет по части дам),
Но получается по-разному –
И я «в пролете», как всегда...

Мы изменили жизнь по-страшному.
А нас она – наоборот.
Я по себе грущу тогдашнему
И по тебе скучаю, Кот.

Мы все давно уже не мальчики,
Как ни бодришь и колобродь,
Необратимости образчики.
Эх, дал бы свидеться Господь!

ОСТРОВСКИЙ БЕЗ ГРАНИЦ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

В день 200-летнего юбилея великого русского драматурга Александра Островского — 12 апреля нынешнего года — в московском Доме-музее Марии Ермоловой открылась двухдневная международная научная конференция Театрального музея им. А.А. Бахрушина «Бахрушинские чтения — 2023». Тема — «Островский вне времени». Научный форум был посвящен исследованию роли театра в культурном пространстве, осмыслению наследия Александра Островского в современной духовной и общественной жизни, вклада писателя в историю театрального искусства и его места в современном театре, изучению современных трактовок пьес драматурга на сегодняшней театральной сцене. В рамках конференции, проведенной Бахрушинским театральным музеем

при поддержке Министерства культуры России и Фонда «История Отечества», были представлены две программы — «Островский» и «Не Островский» (в этих секциях прозвучали доклады, не связанные с творчеством драматурга). В научной дискуссии приняли участие 115 участников из многих регионов России, а также Азербайджана, Болгарии, Грузии, Италии и Японии.

Открыла «Бахрушинские чтения — 2023» генеральный директор Бахрушинского музея Кристина Трубинова: «Для нас было особенно важно еще раз убедиться в том, насколько велик интерес ученых к наследию Александра Островского. Показателем этого стало большое число заявок, поступивших в оргкомитет».

Ректор Московского высшего театрального училища (института) имени М. Щепкина Борис Любимов: «Островский сделал так много для театра России и стран, ей близких, как ни один другой писатель. Мы обожаем и Пушкина, и Гоголя, и Чехова, и Булгакова, но все-таки театр для них был одной из возможных точек соприкосновения, но не единственной. А Островский? Он мог быть поэтом, прозаиком? Конечно. Островский вполне мог бы написать повесть «Гроза» или роман «Бесприданница», но предпочел творить для театра. И его пьесы

— это русские характеры и русский сценический театральный язык. По сути, Островский создал русский репертуар. Формирование труппы обычно начиналось с вопроса: «А есть ли у меня в театре Лариса, Катерина, Глумов, Несчастливцев и так далее?» И это сделал человек, которого мы сегодня вспоминаем, чествуем. Островский писал, конечно, прежде всего для Малого и Александринского театров, но он создал репертуар для всей России, за что ему вечная и благодарная память».

Ректор Российского института театрального искусства (ГИТИС) Григорий Заславский: «Островский дорог тем, что дает возможность раскрыться артистам и представить целую галерею характеров. В ГИТИСе не было курса, который не обращался бы к Островскому. Так, последний курс мастерской Олега Кудряшова играл этюды по «Бесприданнице». Сейчас у нас идет одна из пьес трилогии Островского о Бальзаминоме на курсе Валентина Клементьева. Очень важно, что драматург был вдохновлен идеей национальной театральной школы. Он ушел, не успев реализовать этот проект. В вузах имени Щепкина, Щукина, в ГИТИСе, ВГИКе, Школе-студии МХАТ тоже к этому стремятся, стремятся понять, что такое сегодняшний актер, на чем должно происходить его становление,

Участники конференции

профессиональный рост».

С докладом «Поэт театра» выступила Нина Шалимова (Российский институт театрального искусства). Она говорила о сохранении драматургом лирического отношения к театру, приемах драматизации, жанровой текучести пьес Островского. По мнению исследователя, жанр у него плывет и «готов опрокинуться в свою противоположность». Драматурга интересовало не значение, а звучание имени персонажа: Мурзавецкая, Подхалюзин и т.д. Докладчик отметила искусные ремарки Островского в текстах действующих лиц – особенно скрытые, которые отыгрываются актерами. В них дается «пейзаж души» героя, и расчет сделан на игровую природу актера. Н. Шалимова считает, что хрестоматийное определение «пьесы жизни» Островского нужно заменить на «пьесы играющей жизни».

О мировом значении основателя русской драматургии – Островского «без границ» – говорил в своем докладе доктор теологии, заместитель генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино по межрегиональному и международному сотрудничеству Мигель Паласио. Он размышлял о месте Островского в мировом культурном контексте, рассказал о постановках «Гро-

зы» в Европе, странах Востока и Нового Света. Выступающий подчеркнул, что большое влияние на мировоззрение Островского оказало его путешествие по Германии, Австрии, Италии, Франции и Англии в апреле-мае 1862 года, упомянул его путевой дневник с лирическим описанием природы, отражающим сентиментально-гуманистическое мировосприятие автора. При этом особое внимание Островский проявлял к театральной сфере, делая акцент на характеры людей. Мигель Паласио подчеркнул, что результатом поездки Александра Николаевича в Европу и возникшей у него симпатии к Италии был перевод пьесы Уильяма Шекспира «Укрощение строптивой».

Переводческое наследие драматурга стало одной из тем доклада Мигеля Паласио. Островский оставил после себя 22 законченных и 16 незавершенных переводов с испанского, французского, итальянского, английского и латинского языков. Автор отметил влияние культуры Франции, в частности, драматургии Мольера, на творчество Островского, а также рассказал о его переводах произведений Сервантеса. В нем русский классик нашел единомышленника – дотошного наблюдателя и объективного критика провинциальной жизни. Главным же достижением Островского-переводчика было появление на русском языке театральных сочинений создателя «Дон Кихота».

Мигель Паласио представил хронологию театральных и музыкальных постановок по наиболее известной в мире пьесе Островского «Гроза» во Франции, Чехии, Италии, Великобритании, особо выделил переводы его драматургии на индийский и китайский языки в 20-х годах прошлого века и спектакль, поставленный аргентинским творческим коллективом в Буэнос-Айресе в 2012 году.

Светлана Семиколенова (Бахрушинский музей) рассказала об экспозиции Дома-музея А.Н. Островского в системе музейно-театрального квартала «Бахрушинский». «Хронологическими рамками нового экспозиционного комплекса стали 30-40-е годы XIX столетия – то время, когда начинается увлечение Александра Островского театром, которое постепенно станет главным смыслом его жизни. В результате ремонтно-реставрационных ра-

бот и создания новых экспозиций выставочные площади Дома-музея Островского, в составе Бахрушинского театрального музея, увеличатся в два раза, что позволит попасть в этот старинный замоскворецкий уголок в самом центре столицы еще большему числу посетителей», – отметила Светлана Семиколенова.

А вот информация с сайта Бахрушинского музея. В музее хранится личный архив выдающегося литератора, мемориальные вещи и документальные свидетельства его творческой деятельности – более 50 тысяч уникальных предметов, в том числе 3960 личных вещей. В одном из выставочных залов Главного дома, где родился и провел первые годы жизни писатель, появится «Кабинет отца драматурга», где будут представлены уникальные издания, собранные отцом Островского Николаем Федоровичем (сегодня они хранятся в книжном фонде Бахрушинского музея). Среди раритетов можно будет увидеть такие книги, как «Российский феатр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений», собрания сочинений Жуковского и Ломоносова, зарубежную классику и периодические издания того времени. В восстановленных интерьерах «Красной гостиной» посетителям расскажут о детских и юношеских годах А.Н. Островского и о начале его творческого пути. На втором этаже Дома-музея будет открыта новая экспозиция, посвященная творческим достижениям Островского – литературной, театральной, общественной и сценической истории его пьес, поставленных как при жизни драматурга, так и до конца XIX века. Логическим продолжением экспозиции Главного дома станет выставочная зона в здании Театральной галереи. В ее четырех залах будет рассказана сценическая история пьес Александра Островского в XX и XXI веке – от спектаклей Всеволода Мейерхольда, Константина Станиславского и Александра Таирова до постановок современных режиссеров. Кроме того, в садово-парковой части усадьбы «оживет» ландшафтная экспозиция. В XIX веке ни один, даже самый скромный, дом Замоскворечья не обходился без сада и огорода. Чтобы воссоздать образ старой Москвы, на территории усадьбы Островского будет

Круглый стол

создан сад с историческими насаждениями, характерными для XIX века: решения ландшафтных дизайнеров позволят посетителям этого филиала Бахрушинского музея увидеть Замоскворечье таким, каким его видел сам Островский.

Ирина Едошина из Костромского государственного университета выступила с докладом «Феномен Островского». По мнению исследователя, он связан с двумя явлениями: тем, что скрыто и добывается разными способами, и тем, что явно. И. Едошина обратила внимание слушателей на то, что все имена персонажей Островского взяты из святцев. Часто возникает люфт между значением имени и тем, что совершает герой. Режиссер Константин Станиславский называл этот люфт «двигателями психической жизни». Эти «двигатели», заложенные Островским, не всегда на поверхности.

Уникальность Островского, отметила Ирина Едошина, в том, что он не шел в ногу с модными веяниями, но его нельзя назвать, как это делают некоторые исследователи, ни славянофилом, ни автором сугубо христианским. Драматург был вне идеологических трендов своего времени, однако не был индифферентен. Островский придерживался своей позиции, и заключалась она в том, чтобы в пьесах преподносить жизнь такой, какая она есть в самой действительности. А в действительности не бывает только черного или белого. Идеологическая свобода позволяла Островскому зарабатывать деньги и быть независимым. Он пу-

бликовался и у Погодина, и у братьев Достоевских, и у Некрасова с Чернышевским. Потому что не примыкал ни к какому определенному направлению.

По мнению автора доклада, Островский — один из наиболее закрытых авторов в русской литературе. Через всю жизнь он пронес душевную травму: будущий писатель рано остался без родителей, и в его произведениях, как правило, звучат мотивы сиротства.

Ольга Агушина из Музея МХАТ рассказала о знаменитых постановках Островского на сцене Художественного театра в разные эпохи, и в их числе — спектакль-событие «Снегурочка» в постановке Станиславского и Санина, вызвавший горячие споры и неоднозначные оценки, «Горячее сердце» Константина Станиславского, «На всякого мудреца довольно простоты» Владимира Немировича-Данченко, «Лес» Кирилла Серебренникова.

Исследователь из Софийского университета имени святого Климента Охридского Людмил Димитров сопоставил в своем выступлении «На всякого мудреца довольно простоты» и «Горе от ума». По мнению ученого, слово «мудрец» употребляется Островским иронически. Драматург стремился создать своего Чацкого, но Глумов — это падший Чацкий. «Уже само заглавие почти оксюморонно отсылает нас к «Горю от ума»: в нем фигура «умного» в его превосходной и законченной функции «мудреца» метафорически эксплицируется. Одновременно, располагаясь

между «мудростью» и «простотой», заглавие ситуирует казус «умный дурак» или «глупый умный», а это, в свою очередь, воспроизводит образ Дурака из фольклорной сказки, которому всегда удастся утвердиться над предварительно известным «умником». В интертекстуальном плане вся «конспиративная» идея Глумова — отменить вынужденную пассивность Чацкого, с этой целью он выбирает более прозорливую стратегию: «перехитрить» среду. Происходя из не очень состоятельного дворянского рода, но чувствуя в себе достаточно интеллектуальных способностей, герой решает воспользоваться своими «данными», демонстрируя поведение пикаро. Или, выражаясь языком классической драмы, Глумов ставит себя на одну ступень с Чацким в понимании чести и морали, но осознает их неприменимость и неуместность, поэтому решается на «разумный компромисс» со своей совестью и подходит к жизни как Хлестаков. Разница одна — если мнимый ревизор Гоголя «случайно» попадает в известную историю, в которой ориентируется мгновенно и сверхпрагматично, Глумов вполне сознательно изменяет ситуацию в свою пользу».

Станислав Меркушов (Московский педагогический государственный университет, Московский международный университет) выступил с необычным докладом «Эсхатология «Грозы»: «взрыв реальности» в пьесе Александра Островского и ее воплощениях на сцене».

Автор предложил эсхатологический ракурс анализа произведения, сосредоточил внимание на его мистических мотивах, метафизической специфике, увидел в образе Катерины апокрифическое восприятие действительности в ее апокалиптичности, экзистенциальные страхи «темного царства», грозное напоминание о гностическом мифе (в философии гностицизм означает поиск истины или знания, которое ведет к духовному прозрению и спасению).

Елена Маряхина (Российский государственный гуманитарный университет) говорила об эволюции художественной детали в драматургическом пространстве на рубеже XIX–XX веков. Объектом ее исследования стали пьесы Островского и Чехова. Как утверждает Е. Маряхина, Чехов создал особую поэтику деталей (бытийность пронизывает быт), но без Островского это было бы невозможно.

Независимый исследователь Евгений Яблоков в своем сообщении рассмотрел название комедии «Горячее сердце» как некую метафору и использовал ее для сравнения произведения А. Островского с пьесой М. Булгакова «Бег». По утверждению ученого, «горячность» есть «неуправляемость». Герой Островского купец Хлынов обладает «горячим сердцем», это «зверь зверем», в котором к финалу просыпается совесть. В пьесе «Бег» метафора «горячее сердце» соединяется с темой Хлудова. Генерала приводит к раскаянию приговоренный им к смерти солдат Крапилин. Автор «Бега» актуализировал «температурную» семантику «горячего сердца» Хлынова из пьесы Островского.

В фокусе внимания участников конференции была и общественная деятельность драматурга. Этому посвятили свою работу Марина Федорова и Полина Соколинская (Бахрушинский музей, Дом-музей А.Н. Островского). В 1865 году по инициативе группы литераторов и художников, включавшей Островского, Рубинштейна, Одоевского, был создан Артистический кружок. В 1870-м Александр Николаевич присутствовал в Москве на учредительном собрании Общества русских драматических писателей, ставшего первым в России

Кристина Трубинова

авторско-правовым обществом (первоначально называлось Союзом русских драматических писателей). Впоследствии оно сыграло выдающуюся роль в профессиональном единении отечественных драматургов. А.Н. Островскому до самой смерти довелось возглавлять это профессиональное сообщество. Именно на административной «стезе» проявились многие его лучшие качества как руководителя и горячего выразителя профессиональных интересов коллег по театральному цеху. Драматург написал проект устава общества, сформировал идею устройства образцового русского драматического театра, разработал проект театральной школы с подробной программой преподавания.

«Пучина» Островского – рефлексия о мелодраме и театре – так назывался доклад Маргариты Одесской (Российский государственный гуманитарный университет). Речь в нем шла о перекличке сюжета пьесы Александра Николаевича с французской мелодрамой Виктора Дю-Ганжа и Дино «Тридцать лет, или Жизнь игрока» – она посвящена человеку, раздираемому страстью к карточной игре.

Елена Лобанова (Тульский Дом-музей В. Вересаева) предложила вниманию участников результаты своего исследования на тему «Общественное мнение» в драмах А.Н. Островского: интерпретация в театре и кинематографе 1970–2010-х гг.». Объектом ее научного интереса стала трактовка пьес «Гроза» и «Доходное место» – столкновение мировоззрений старого и нового мира, вопло-

щение в общественном сознании новых веяний. К примеру, сначала Катерину называли «лучом света», затем – жертвой религиозного фанатизма и «темного царства». Это инструменты дискредитации, формирующие общественное мнение. Вывод докладчика: мы можем сами управлять общественным мнением, анализируя литературное произведение.

Инна Безирганова (Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова) выступила с докладом «Островский на грузинской сцене: воспоминание о будущем». В нем рассказывается о том, как осваивалось творчество писателя на грузинской театральной сцене на протяжении десятилетий – начиная со второй половины XIX века и заканчивая современностью.

По завершении выступлений, Тамара Бурлакова, заведующая отделом научно-методической работы Бахрушинского музея, подводя итоги, отметила: «Бахрушинские чтения – праздник! Эти стены питают энергетику Марии Николаевны Ермоловой. Музей переживает новый этап своего развития, пору преобразования. Вскоре будет создано новое, современное пространство. В нем, возможно, на следующий год мы будем проводить выставки и научные конференции. Во время Бахрушинских чтений мы обмениваемся ценными научными открытиями, наработками, но не менее важно человеческое, дружеское общение. Все вместе мы представляем собой мощную силу, которая может противостоять разобщению, разъединению».

LIT-TALK TBILISI: ЖИВАЯ ЛИТЕРАТУРА С КАВКАЗСКИМ АКЦЕНТОМ

■ **Ханна ПЕНМАН**

Грузинская столица – атмосферный, такой любвеобильный, мультикультурный и колоритный город – издавна манил не только своей богатой историей и красотой. Он всегда был клондайком самых интересных событий из сферы искусства. Здесь ярче всего пульсировала артерия театра, кино, музыки, живописи, и, конечно же, литературы.

И сегодня Тбилиси не изменяет своим правилам: он по-прежнему чертовски хорош в этом деле. Примером тому является стартовавший чуть более года назад литературный проект Lit-Talk TBILISI, цель которого – сделать литературу, которая создается здесь и сейчас, ее авторов, ближе к читателю. Для не виртуального, а реального знакомства, взаимопонимания и, как результат, для создания новой истории, новой литературы Грузии.

Lit-Talk (от английского Literature Talk – разговор о литературе) основали в июле 2022 года две жительницы Тбилиси – подруги и коллеги, русскоязычные писательницы и журналистки Екатерина Минасян и Анастасия Хатиашвили.

Екатерина Минасян – автор журналистского проекта «Прогулки по Тифлису», читает лекции об архитектуре и литературе Тбилиси. Анастасия Хатиашвили – переводчик, автор романа «Лучшее, чего у меня нет» и биографической книги о поэтессе Белле Ахмадулиной «Больше, чем сны». В своем проекте, по словам авторов задумки, они все делают из любви к литературе.

«Были любовь, дружба, профессиональное сотрудничество. И в какой-то момент родилась идея, – вспоминает Екатерина Минасян. – Впервые мы заговорили о намерении создать нечто «этакое» после выхода Настинной книги в 2021 году. Но от за-

думки до осуществления прошло некоторое время – идею же нужно еще выносить. Наконец, мы решились и провели первую встречу. Конечно, ты при рождении строишь планы о том, каким вырастишь своего ребенка, но, тут многое зависит и от того, как примут твоё творческое детище, будет ли оно иметь успех».

А успех не заставил себя долго ждать, отмечает Анастасия Хатиашвили. Ведь жители и гости грузинской столицы соскучились по живой литературе и живым встречам, на которых можно свободно говорить, о чем хочется, слушать друг друга и узнавать новое.

«С первых же встреч, которые проходили на террасе кафе «Уцхо» режиссера Лары Исавой, мы увидели искорки в глазах нашей аудитории, – рассказывает Анастасия. – Публика с удовольствием и благодарностью слушала авторов, активно задавала вопросы, интересовалась писательским процессом, новинками литературы, ролью писателя сегодня, обсуждала необходимость этого ремесла и призвания в наше трудное время».

Первыми участниками тбилисского проекта Lit-Talk стали писатели Валериан Маркаров («Легенда о Пиросмани», «Гении тоже люди... Леонардо да Винчи», «Личный дневник Оливии Уилсон»), Мариам Сараджишвили («Это Тбилиси, детка!», «Однажды в Грузии. Записки очевидца», «Любви много не бывает, или Ступеньки в вечность»), Баадур Чхатарашвили («Хроника Колхиса», «Привет, птица!», «О бедности и смерти», «Чей он, этот мир?»), а также Елена Петросян, Ника Калантаров, Анна Григ и Михаил Касоев.

Из зарубежных гостей (а Lit-Talk уже обрел и международные масштабы) в Тбилиси в рамках проекта выступали российские писатели Алексей Лукьянов, Татьяна Астрит, Василий Панфилов и поэтесса Эмма Огольцова из Арцаха (Нагорный Карабах).

А в рамках программы «Инь – янь» Анастасия и Екатерина соединяют две литературные энергии: перед читателями предстают мужское и женское лица литературы. И на этот особый синтез стоит посмотреть!

Невероятно теплая и душев-

Lit-Talk TBILISI

ная тбилисская атмосфера – именно так об ауре проекта Lit-Talk отзываются его участники и посетители. Впрочем, каждый видит в нем нечто свое.

«Lit-Talk – это уникальная возможность взглянуть на мир через личную историю творческих людей из разных этнических групп, проникнуться атмосферой Тбилиси или другого города, – рассказывает участница проекта, писательница Татьяна Астрит из Саратова. – Наполниться вдохновением и энергией, поделиться своим видением мира, понять, что ты не одна и что есть те, кто по-особенному чувствует мир и выражает себя в нем». По словам Тани, проект направлен на сближение разных культур и людей с разной историей и болью, призван вызвать прежде всего сопереживание и принятие идентичности творческой составляющей человека. «Тбилиси представляет собой многообразие культурных форм творчества и, мне кажется, важно познакомиться с ними через подобные вечера, – говорит автор. – Где можно не только быть услышанным, но и услышать мысли других – для размышлений в будущем. Публика, как живое существо, равнодушна и внимательна. А ведущие вечера аккуратно подводят гостя к раскрытию своей творческой личности и от этого

люди становятся только ближе друг другу».

Появление на культурном горизонте такого проекта, как Lit-Talk Tbilisi, не случайность, уверен писатель и историк Валериан Маркаров, потому что, как говорится, «спрос рождает предложение». «Проект доказал, что культура объединяет, творчество вдохновляет, а радушие и благожелательность, умение слушать и прислушиваться, желание сотрудничества – та питательная среда, которая может и должна менять мир от негатива к позитиву», – утверждает писатель.

Кстати, сам проект, по словам Маркарова, чем-то напомнил ему литературные салоны, возникшие в России в конце XVIII века и достигшие своего расцвета в 20-30-е годы XIX века. «Именно они дали в свое время большой толчок развитию и распространению литературной (и не только) культуры в обществе. Те салоны, как правило, принадлежали людям, имеющим какое-либо отношение к искусству, либо же сановным меценатам: это и княгиня Волконская, прозаики и поэты Одоевский и Писемский, Брюсов и Гиппиус (широко известная «Зеленая лампа»). Они собирали представителей дворянской интеллигенции и высшего света, а позже и представителей разночинной интеллигенции, давая воз-

можность лично, вживую пообщаться с интересными людьми».

Как говорит Валериан Маркаров, уникальность и основная цель тбилисского проекта «Разговор о литературе» – это поддержка и поощрение как начинающих, так и опытных авторов, повышение интереса к искусству, расширение читательского кругозора, формирование утраченной за последние годы читательской культуры людей разных возра-

Анастасия Хатиашвили
и Екатерина Минасян

Ника Калантаров и Татьяна Астрит

тов и профессий, любящих литературу и отличающихся литературным вкусом. «Проживая XXI век – эпоху информационных технологий, не следует забывать, что духовность и культуру никто и нигде не отменял, ни в Тбилиси, ни в Париже», – говорит Маркаров.

Хотя больше всего в проекте Lit-Talk привлекает его атмосфера. «Это серьезность в подходах к литературе, свобода в высказываниях, доверительность, уважение к другому мнению, – признается Валериан. – Здесь, в кругу единомышленников, людей, пребывающих на единой волне, могут быть прочитаны еще неопубликованные произведения. Как консерватора по духу, меня подкупают уже устоявшиеся традиции – встречи реальных читателей с писателями, а также исполнителями – мастерами художественного слова, дискуссии, обмен книгами, чаепития и игра на гитаре, рассказы о посещенных литературных местах и всевозможных фестивалях».

С оазисом в пустыне и глотком свежего воздуха сравнила проект «Лит-Ток» его горячая и талантливая поклонница Инна Маркарян-Давиташвили.

«Название «Лит-Ток», литература-разговор, как нельзя точно характеризует тематику встреч. Никакой политики, сплетен и прочих низкочастотных разговоров. В наше простое время это, согласитесь, дорогого стоит, – говорит Инна. – Мы живем в уникальное время – время глобальных перемен в космическом

мироздании. Человек, как микрокосмос, влияет на процессы изменений, и, в первую очередь, изменений внутри себя. Это отнюдь не высокопарные слова. Это реальность. Давно не секрет, что Слово исцеляет и Слово убивает. В начале начал тоже было Слово! Так вот, в «Лит-Токе», благодаря профессионализму авторов проекта, царит атмосфера, дарящая тепло, уют, радость творчества, общения с простыми людьми, тбилисцами».

По мнению Инны, именно в возрождении традиций общения, диалогов об искусстве, и есть главная цель проекта. «Нравится и то, что в проекте принимают участие люди разных профессий, но имеющие хобби – писать рассказы, зарисовки о старом Тбилиси, а также (что немаловажно)

молодежь, пробующая перо в разных жанрах литературы», – говорит она.

«И на мой взгляд, проект Lit-Talk продолжает традиции русскоязычных литературных клубов или салонов, на протяжении, наверное, более 100 лет существовавших в Тбилиси, – рассказывает поэт Игорь Эйбов. – Даже грузинский классик Григол Робакидзе первую свою книгу издал на русском языке. Ну, и в литобъединении автору иногда легче о себе заявить, чем в одиночку. Лично меня проект заинтересовал новыми знакомствами с литераторами Тбилиси и не только, реальными встречами и общением. На вечерах удивило большее количество прозаиков, нежели поэтов – обычно бывает наоборот. А главная цель зависит от Насти и Екатерины – куда они нас поведут».

«Наивно полагать, что, заявив о себе, ты заработаешь только аплодисменты и положительные отзывы, – отмечает Екатерина Минасян. – Конечно, иной раз мы слышим в свой адрес и замечания. Нас обсуждают, критикуют. Но не критикуют того, кто ничего не делает. Пару месяцев назад поэтесса Влада Витязева записывала со мной интервью для своего канала в телеграмме. В студии, где шла запись, я пересеклась с поэтом, который, забегаю вперед, скажу, узнав о нашем существовании, потом пришел к нам на встречу и был потрясен увиденным и услышанным. Так вот, Влада и поэт Борис Купаев, тогда мне еще едва знакомый,

Мариам Сараджишвили и Алексей Лукьянов

Поет Анна Григ

говорили о том, что литературных вечеров, проводимых сегодня в Тбилиси, достаточно много, и все они проходят, в общем-то, одинаково: вышел-прочитал-ушел. И тут Влада, бывавшая на встречах «Лит-Тока» неоднократно, заметила: ты просто не был на вечерах «Лит-Тока» — отсюда уходишь, наполненным эмоциями и содержанием. Стало приятно, подумалось, мы зажигаем звезды и находим тех, кому это нужно. Такое многого стоит. Это воодушевляет в минуты сомнений, вдохновляет на смелые идеи. А критика, если она конструктивная, помогает расти. Если же она исходит от праздных злопыхателей, то бумерангом поражает ее авторов».

«Я приветствую, когда критикуют наше дело, нашу работу, а не нас, — говорит Анастасия. — Мы ведь не какие-то литературные гуру, нам свойственно в чем-то ошибаться, и на своем опыте учиться. Легко критиковать, когда спокойно сидишь на диване и тебе что-то показалось не таким привычным, как всегда. Но время, люди и литература не стоят на месте. Поэтому, раз уж мы вошли в этот мощный поток литературных энергий, в эту бурную реку перемен и вызовов, значит, это нам нравится. А если так — мы будем делать это с любовью».

О своих дальнейших планах создательницы «Лит-Тока» делятся с большим воодушевлением.

«Мы надеемся, что «Лит-Ток» вырастет во что-то большое, — го-

ли проект — беседы с писателями, — рассказывает Екатерина. — Записали два интервью. Совсем скоро представим вниманию читателей наш сайт, он на данный момент в стадии доработки. Ну, и очень актуальное — выездные «Лит-Токи». Не будем открывать всех карт, сохраним интригу. Одно знаю совершенно определенно: мы с Настей заболели этим проектом. И будем чудить и совершать подвиги дальше».

«Хотелось бы поблагодарить каждого, кто поверил в нас и хотя бы однажды пришел на наш вечер, — добавляет Анастасия. — Особенно тех, кто бескорыстно приютил у себя «Лит-Ток»:

Встреча с Валерианом Маркаровым

ворит Екатерина Минасян, — станет таким местом, где будут пересекаться писатели, переводчики, блогеры и читатели из разных стран и культур, обмениваться опытом, знаниями, переживаниями и эмоциями. Нам хотелось бы превратить «Лит-Ток» в площадку, откуда будут услышаны голоса авторов, их мысли, идеи. Открывать как можно больше имен широкой публике, проводить конкурсы, помогать в продвижении молодым авторам, научиться отличать хорошую литературу от не очень качественной, которой заполнен книжный рынок».

Среди ближайших планов Lit-Talk — создание полноценного сайта, запись подкастов с известными и малоизвестными авторами, привлечение как можно больше молодежи к участию, ведение видеоблога.

«Месяц назад мы уже запусти-

режиссера Ларису Исаеву с ее «вкусным» брендом «Уцхо» и гостеприимного литератора, журналиста, музыканта и режиссера Артема Киракозова, который устраивает вечера в потрясающем старинном доме в Обводном переулке. Каждый человек, каждый горящий взгляд — это очередной шаг в истории литературного проекта Lit-Talk. Так что — Show Must Go On».

Напоследок спрашиваю у Анастасии и Екатерины: если бы «Лит-Ток» был живым человеком, как бы они его описали? Они смеются, потом серьезно задумываются и практически единогласно отвечают: «Бородатый, брутальный мужчина. И, конечно, темноволосый. Почему темноволосый, понятно, да? Потому что кавказец!»

Попытка исповеди

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

Принцессу подними с горошины,
узнай, как пахнет трын-трава,
найди у Блока и Волошина
необходимые слова,

Послушай, как зовут дельфины,
проверь в хинкальной нюх и вкус.
И в рубке Желтой субмарины
определи дальнейший курс.

Увидеть Париж и умереть.
Илья Эренбург

Я увидел Париж. И не умер.
Я мгновенно сказал: «Погоди!»
Я ходил в мушкетерском костюме
и абсент покупал для Моды.

Я держал микрофон Азнавура,
у Гобсека брал евро в кредит,
я автограф просил у Гонкуров
и билет покупал на Эдит.

На ступенях у стен Сакре-Кера
мы с Чарнотой распили коньяк.
Робеспьер мне навязывал споры
и хихикал вослед Растиньяк.

«Мулен-Руж» подарило веселье,
Нотр-Дам подарил свою сень...
Ах, как много в Париже успел я...
Я в Париже провел целый день!

Позади растет годов громада.
Впереди... Кукушку не зову.
Заварю на завтрак трын-траву.
И махну, мальчишкой, за ограду.
Там, без перекрестков и преград,
без проулков, спусков и обочин,

собирает всех, кто только хочет,
улица, ведущая назад.

Там не искривилась колея.
Никаких аварий не случится.
Только там и можно научиться
возвращаться на круги своя...
Слишком много выросло преград
между тем, что было и что будет.
Видно, потому и ищут люди
улицу, ведущую назад.

А кукушка если и соврет, —
пусть кукует. Я не буду злиться.
Лишь бы сберегла родные лица
улица, ведущая вперед.

Старухи кормят кошек у столовой,
Хлеб накрошив и подливая суп.
С давно забывших о помаде губ
слетает тихо ласковое слово.

Старухам раздают паек для нищих.
Они уже почти убеждены,
что эти кошки тоже рождены
для немудреной, но бесплатной пищи.

Старухи не привыкли к новой жизни.
От прежней все устои пали ниц.
Одно и то же выражение лиц
у них на именинах и на тризне...

Столовая соседствует с парковкой.
А там уже совсем иной народ,
далекий от старушечьих забот,
живет успехом, хваткой и сноровкой.

И там уже не может зародиться
привычное другой манере жить
желание для кошек отложить
кусоч биг-мака и остаток пиццы.

С парковки едут к офисам, к обедне,
в аэропорт, чтоб отдохнуть вдали.
А здесь, на этом пятачке Земли
старухи просто делятся последним.

И будет этот мир стоять, пока,
при многих новостях одно не ново:
старухи кормят кошек у столовой
и не дрожит от жадности рука.

ПОПЫТКА ИСПОВЕДИ

Не так уж тщательно, но истово
я делал то, во что поверил.
Я не подслушивал у двери.
В помощники не звал нечистого.

Копил слезу для ностальгии.
Не рвался к роли первой скрипки.
Платил за многие ошибки,
а после совершал другие.

Не думал, чем и как рискую
в поступках дерзко-беззаботных.
И боль обиженных животных
воспринимал как боль людскую.

Меня любили. Мне везло.
А если донимали нудно,
то было мне совсем не трудно
встать и уйти «на шатало».

И всматриваясь в длинный путь,
я понял: главная награда –
в том, что делил его с кем надо.
Да так, что не пришлось свернуть.

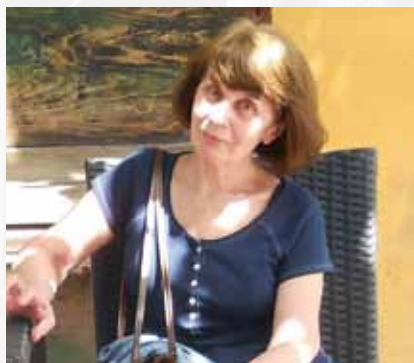
Я видел на поле Стрельцова и Яшина,
ходил на концерт Высоцкого,

я книги держал, в которых закрашены
лица Якира и Троцкого,
я ездил на «Эмках» и на «Победах»,
я помню Карибский скандал...
И внуки вправе подшучивать: «Деда,
а ты динозавров видал?»

Я к вам вернусь теплом грибных дождей,
улыбками веселых эпатажей,
мелодиями прошлых лет и даже
насмешками над мерзостью вождей.

Я возвращусь, когда придет пора
припомнить то, что забывать негоже,
когда начнете осуждать все строже
ту жизнь, которой жили вы вчера.

Я буду рядом в шорохе листвы,
в прибое моря, в запахе мороза,
когда хоть в чем-то будет вам угроза,
когда по мне скучать начнете вы.

ЕЛЕНА ШАХНАЗАРОВА

ПРАВИЛА ДОМА

Этот дом, переживший и много, и многих,
где увитый балкон на булыжном подъеме,
где не слышно нотаций о правилах строгих,
но страницы подчеркнуты в стареньком томе...

Уходили отсюда в любви. И с любовью.
Кто – в далекие страны. А кто – еще дальше...
Здесь не принято клясться ни жизнью,
ни кровью –
просто с детства прививка от вируса фальши.

Просто жили, как люди. Дышали – как птицы.
Не играли чужие, ненужные роли.
И никто не стоял на охране границы,
и, встречая, не спрашивал тайну пароля.

Вот, опять – новый житель. В ладошке –
морковка.
И повадки, и взгляд – словно оттиск, знакомы.
И, орудуя маленьким венчиком ловко,
проживать привыкает по правилам дома.

УЛОЧКА

На бывшей Фрейлинской, так остро,
пропах цветами старый двор...
Быть может, хитрый Калиостро
упрятал фрейлин в складки штор?

Рецепты снадобий пахучих
достань, спаси и воскреси –
и их фарфоровые ручки,
и их жеманное «мерси».

И их умение сквозь стекла
лорнета дерзость остудить,
и мир – то яростный, то блеклый –
улыбкой нежной осветить.

Резные ставни и балконы
на этой улочке кривой
припомнят вальсы, котильоны
и тайны страсти роковой.

А мы бредем, глазеем в небо
и вдруг застынем у двора,
где, вроде, никогда ты не был,
но запаха... Словно был вчера.

Воспоминанья в мисочку из детства,
стареющей принцессой, покроши,
подсчитывая крохи, как гроши
когда-то баснословного наследства.

Любовь вокруг была так велика,
казалось – хватит и на десять жизней!
Так долька мандариновая брызнет,
с готовностью – лишь надави слегка.

Любовь, любовь – она была везде:
в крахмальной пелеринке, чашке чая...
В том, что капризы детские прощая,
тебя готовы баловать весь день.

И мне б хватило несколько минут.
Обнять. Увидеть. Снова надышаться.
А над балконом – запахи акаций,
а под балконом – дворники спуют.

СЕСТРАМ

Ты помнишь фото: на аллее,
на фоне бронзовых оленей,
три девочки в пуховых шапках...
Так жизнь – ни валко и ни шатко –
катила до конца эпохи,
нас счастьем сбрызнув в суматохе.
В прогулках по аллеям, скалам,
кино и театральным залам...

И шапки были – в самый раз...
Таких не делают сейчас.

IN VINO VERITAS

Не перепутать с прозою
время хмельной лозы,
гроздь тугие, розово,
светятся из корзин.

Взгляд виноградин пристален,
сизо-седой налет.
Кто поседел под выстрелы –
молча стакан нальет.

Осенью тише исповедь,
громче – судьбы итог:
в грозы не может выстоять
слабой лозы листок.

Каждый поступок выстрадан –
мир не похож на рай...
Выше решенья быстрого
вечное – «не стреляй!»

Словно глоток, оплаченный
чьей-то бедой и войной,
жизнь эту пьем иначе мы
осенью – не весной.

Бродит под оболочкою
грозная власть вина...
Кровью прольется? Строчкою?
Истина не видна.

КОГДА НАС ЗАГОНЯЮТ В УГОЛ

Опять свиваются концы
и гордиев готовят узел...
Безумный шар несется в лузу,
избрав позорный суицид.

И так, по-детски, стынет страх,
когда нас загоняют в угол.
И столько мир расставил пугал
на наших, на семи ветрах!

Ну, «на войне – как на войне»...
Приправим жизнь щепоткой чая.
И, выстрел в спину исключая,
прижмемся к дружеской спине.

Окно в разрушенном храме
Окна рисунок дивно прост
в погибшем храме...
Окно ответит на вопрос –
что будет с нами?

Когда разрушены миры
и Бог не слышит,
неясный свет еще горит
в оконной нише...

Неясный свет, сквозь толщу лет –
такая малость...
Былого храма больше нет.
Окно – осталось.

КОРА ЦЕРЕТЕЛИ

ОТКРОВЕНИЕ

Маленькими ходить шажками.
Маленькими пить глотками.
Думать короткую думу.
Платить только мелкую сумму.
Загадывать планы лишь на день вперед.
А если на два – уж как повезет.
Не впасть в напасть –
Не споткнуться, не упасть...
– Дай мне руку, прохожий!
(Как качает... О, боже!)

Это ль строптивное тело
Вчера все так ловко умело?
Вот я и призналась невольно,
Что жизнь моя стала прикольной!

ДОЛГОЖИТЕЛИ

Как тикают предательски часы.
И каждый новый час уходит в вечность...
Как ощутима жизни быстротечность,
Когда и дни, и годы сочтены.
Костры надежд, желаний сожжены,
Лишь в пепле тлеют, затухая, искры.
Беспомощны, безвольны, бескорыстны,
Мы наблюдаем мир со стороны.
А он воюет! Он кровоточит!
Нам, пусть сторонним, все равно не легче:
Ведь нынче добродетель еле шепчет,
А зло истошно воет и кричит.
Прервать круговращение беды? –
На это нет ни веры, ни здоровья.
И мы лишь наблюдать обречены,
Как катится наш мир в Средневековье!

Гонит ветер по дороге
Первый жухлый лепесток.
Високосный год, убогий,
Все тебе не вышел срок?
Неизведанных болезней,
смуты, горя и вражды,
Сиротливый, бесполезный
Год потерь и нелюбви,
Год напрасных обещаний,
Год загубленных идей
В отрешении и в печали
от родных и от друзей.

Ковид прошел растравой
по сердцу моему –
Скрипит, свербит по миру,
как бритвой по стеклу.
Стол, комп, постель и телек,
и грязный двор в снегу...
Молю вас, покажите
мне в форточку весну!
Стол, комп, постель и телек...
И ничего окрест.
И я, как птица в клетке,
мне не по силам крест.
Стол, комп, окно... Напрасно
я всматриваюсь вдаль.
Молю вас, покажите,
как зацветет миндаль.
За шелест первых листьев
мне душу бы отдать,
А я шаги считаю –
два, три, четыре, пять...
Застыла кровь в застенке,
я ног не разогну.
Стол, комп, четыре стенки...
Бог отменил весну.

ВОЙНА

Ворон войны мозг мне клюет.
Демон вражды спать не дает.
А как засну – будут сниться
Лица, в крови лица...
Не по-людски
голову адски
сжимают тиски...
Как бы такое не знать и развидеть?
Я же учусь презирать, ненавидеть.
В душу впустила такую змею –
Еле живая стою на краю...
Слежу неотступно,
Молчание – преступно...
Не мил белый свет.
Но... так мало сил
и так много лет!

Да сохранится в нас присно, навечно
Все, что сердечно и человечно,
Все, что душевно и сердобольно,
Все, что обильно и хлебосольно!
Трепет влюбленности, нежность объятий,
Верность, надежность рукопожатий,
Радость и щедрость гостеприимства –
Да сохранится и да повторится

Из года в год и из века в век.
Не забывай, что ты – Человек!

ЧУВЫРЛО-МУРЛО

Кто б подумал, что однажды
В нашей жизни пожилой,
Величава и вальяжна,
Кошка станет госпожой?
Что плутовку масти редкой
Называть мы станем деткой,
Что, как верные сатрапы,
Целовать ей будем лапы?
Влезло в душу нам давно
Это чувырло-мурло,
И кайфует, баловница,
Шемахинская царица!
(Мы же понимаем сами,
Что у нас не то с мозгами).

Я сказала рыжему коту:
– Ты прости меня за прямоту,
Кто из нас двоих венец природы?
И какой особой ты породы,
Что так ловко выгибаешь спину,
Ребра сводишь в гибкую пружину
И, не зная боли, бодро скачешь
До скончания дней своих кошачьих?
Мы ж, еще с полтинник не созрели,
А уже плетемся еле-еле.
Догоняют всякие артрозы,
Сколиозы, остеохондрозы...
В голове под вечер треск и муть.
По утрам спины не разогнуть...
Отвечает мне мудрец усатый:
– Люди ль сами в том не виноваты?
Не пора бы вам, отбросив спесь,
Посмотреть на мир, каков он есть?
Догадайтесь вы, головотяпы,
Встать на все свои четыре лапы!
(Тут ко мне явилось осознание:
Человек – ошибка мироздания).

СЧИТАЛКА

Раз, два, три, четыре, пять –
Я иду весну искать!
Разведу седые тучи,
Расплету туман тягучий,
Чтобы мне в оконце
Подмигнуло Солнце.
Энкли, бенкли, синкли са,
Жизнь пошла ком си ком са.
Утром снег, а к ночи ветер,
то ли полдень, то ли вечер.
Видно, заговорено –
Все равно темным-темно.
Аты-баты, шли солдаты...
Раз, два, три, огонь, пали!
Землю кровью напои!
Не уходят холода,
Правит мачеха-беда.
И отчаянье берет.
Пусть скорей растает лед!
Разведу седые тучи,
Расплету туман тягучий.
Все равно весна придет,
синим глазом подмигнет.
Ну, а дальше – мы не знаем.
Может, вместе посчитаем?

Астафий (Остап) Чипашвили, Альберт Шаанов, Владимир Журьяри и Евгений Симутин

ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО НА «СВИСТУЛЬКЕ»

■ **Владимир ЖУРЬЯРИ**

Прошло более четырех лет со времени публикации в журнале моих воспоминаний. Напомню о себе: Владимир Журьяри, уроженец Тбилиси, неожиданно доживший до юбилея (в августе исполнилось 90), много лет живущий в Таллинне, гражданин Эстонии, пенсионер (естественно). В 1990 году инициировал учреждение Общества Грузинской культуры в Эстонии «Иверия» и долгие годы избирался его председателем. В этом качестве был участником первого Всегрузинского конгресса в 1994 году в Тбилиси. Продолжаю выступать на Республиканском радио с передачей «Все краски Грузии» на русском языке. Остальные детали опускаю.

На этот раз воспоминания посвящены памяти моего многолетнего друга Астафия Чипашвили. Это имя по документам – в быту и в общении его звали Остапом.

Мы познакомились и дружились в третьем классе школы №4 (она тогда еще называлась железнодорожной), что находи-

лась на бывшем Плехановском (ныне – Агмашенебели) проспекте, в глубине двора рядом со зданием ТБИЖТ (опять-таки, бывшим).

На дворе 1943 год. Война. Талоны на продукты и остальное. За отсутствием тетрадей временами писали на газетах. В школьном буфете на небольших ломтях мокроватого серого хлеба – сахарный песок.

Вскоре сложилась компания из четырех ребят. На фото 1948 года мы уже восьмиклассники. Слева направо: Остап (он был постарше нас) Альберт Шаанов, я и Евгений Симутин. Более ранних фото не сохранилось.

Остап лучше нас владел грузинским языком, лучше успевал по математике и всегда готов был прийти на помощь. Бывая друг у друга в доме, угощались чем Бог послал. Мне особенно запомнились кусочки черного хлеба с ткемали, которыми нас подкармливала мама Остапа. Отец его воевал на фронте. Остап с сестренкой и мамой жили трудно. Помню его одно время ходившего в каких-то опорках на ногах даже зимой,

но с раннего детства удивительно стойко переносившего невзгоды тех тяжелых лет.

Немногими развлечениями были походы в цирк, зоопарк, просмотры довоенных кинофильмов, чаще документальных со сводками с войны в Хронике недалеко от (опять бывшего) кинотеатра «Аполло». Но погрешу против истины, если не упомяну вышедшие на экраны в 1941 и 1942 годах фильмы «Сердца четырех», «Машенька», «Антоша Рыбкин» и в 1943-м – «Два бойца», «Жди меня»... В Тбилиси все фильмы шли первым экраном. И обычно мы с Остапом и другими ребятами умудрялись перед сеансами покупать у бабушек семечки или каштаны, у цыганок – петушков на палочке. А еще лакомством был корень солодки.

Особенно ловко Остап справлялся с ловлей храмули, когда мы спускались к берегу Куры во время профилактики на ЗАГЭС.

Хотя война пришлось на наше детство и после отложилась на подростковых годах, наш Тбилиси оставался мирным

Бывшая 4-я (железнодорожная) школа

Бывшая 14-я школа

городом, над небом которого несколько раз кружили немецкие разведывательные самолеты и тогда стреляли зенитки, а нас загоняли домой, чтобы уберечь от осколков.

После войны полковник-фронтовик Алексей Чипашвили работал на военной кафедре ТПИ, что заметно облегчило жизнь его сына Остапа и всей семьи. Не сразу наладилась послевоенная жизнь, карточную систему отменили лишь в 1947-м. Помню, как мы радовались появившемуся в 1946 году коммерческому хлебу.

Моя мама, преподаватель школы, до самой своей кончины в 1953-м, очень тепло относилась к Остапу, старалась, по мере возможностей, помогать ему. Так, уже после войны, она выхлопотала ему путевку в «Артек». Какими восторженными были его воспоминания о днях, проведенных там!

Он был увлекающейся натурой, имел прекрасный слух, и мы с ним одно время ходили на занятия в кружки и баянистов, и фехтования. Хотя эти увлечения продолжались недолго, к занятиям музыкой Остап все-таки вернулся, усердно учился игре на гобое в то время, как я, по недомыслию, поддразнивал его, называя инструмент «сви-стулькой».

Несколько дней лета 1949 года мы с ним провели в родном селе его отца Базалети Харагульского района. Не стану утомлять читателя интересными подробностями (наши дальние походы в горы, купание в речке Чхеримела). Остап и там продолжал репетировать, а я предложил ему на слух запомнить по моему насвистыванию часто тогда исполнявшийся полонез Огинского. И он с этим справился блестяще. А позже подтвердил почти полное соответствие сыгранного оригинальным нотам.

В 1951 году мы окончили 14 среднюю тбилисскую школу на улице Ниношвили, которую, как я потом узнал, на два года раньше окончили Евгений Примаков (общим классным руководителем у нас оказался замечательный педагог-математик Пармен Кукава) и Мераб Мамардашвили.

Остап поступил в Тбилисский

Гиви Чахава, Остап Чипашвили, Владимир Журьяри

политехнический институт, потом работал инженером-технологом в городе Конотоп, а по возвращении в родной город, до ухода на пенсию – в Институте кибернетики АН ГССР. И в то же время играл на гобое в оркестре.

Наша с ним дружба продолжалась долгие годы, несмотря на расстояния, разделявшие нас. Приезжая в отпуск, я обязательно встречался с ним. Памятны наши давние поездки с удочками на озеро Лиси, на ночной лов раков на Тбилисское море, поездка с сыном к Остапу в село Базалети.

Мой друг всегда оставался активным, жизнелюбивым человеком: охотился, осенью в известных только ему местах набирал до двух мешков грецких орехов. Он рано обзавелся семьей и был любящим, заботливым мужем и отцом, тяжело пережил преждевременный уход жены, вырастил четырех сыновей и дочь. Род Чипашвили продолжился, пополнившись в последние годы пятью внуками и тремя внучками.

Наши с Остапом последние встречи случились с 2009-го до 2015 года. Памятной была встреча на 80-летию Остапа в 2011 году. Вспоминаю вечер в доме нашего одноклассника Гиви Чахава. Мы не виделись несколько лет, и я был поражен резким похудением друга. Мы славно провели вечер, вспоминая нашу юность, но эта встреча с Гиви стала последней.

А теперь я обязан назвать

своего земляка Гарольда Шмальцеля, скончавшегося осенью 2020 года.

Дело в том, что Гарольд последние несколько лет собирал за столом в своем доме многих остававшихся в живых наших одноклассников. В прошлом маститый ученый, изобретатель, горноспасатель, он долгие годы возглавлял Общество чешско-грузинской дружбы. О нем нужно писать отдельно и много. Публикуемые фотографии удостоверяют наши встречи с Остапом в доме Гарольда. Это были не просто добрые тбилисские застолья – сердечные встречи, наполненные воспоминаниями о наших увлечениях. Еще бы, все – завзятые поклонники Грибоедовского театра и тогдашнего Театра оперетты при Доме офицеров, Театра оперы и балета, влюбленные в их актрис...

Моего дорогого друга Остапа не стало осенью 2017 года. Увы, время неумолимо. Каким-то чудом я дожился до своего 90-летия. Еще один оставшийся в живых одноклассник Иран Гасиев – мой редкий собеседник по телефону. И часто снится родной город...

«Русский клуб» от всей души поздравляет своего самого старшего автора, настоящего патриота Грузии с замечательным юбилеем! Здоровья и удачи во всем, Владимир Александрович!

МУЖЧИНЫ НАРАСПАШКУ

Из цикла «Ad absurdum»

■ Михаил КАСОВЕВ

На этой Улице по обе ее стороны всего-то восемь угловатых дворов, по которым и скучать, вроде, невозможно.

Ее хорохористые жители-мужчины — от карманника, хохлившего на пружинящих ногах так, будто чечетку отбивал, до седовласового дирижера, вьющегося над суесящимися оркестрантами, как матерый коршун, соревновались меж собой в том, чтобы их curriculum — «послужной список» — пополнило как можно больше историй о том, как они надолго, с приключениями, уходили в длительные запой-загулы.

Вот и множила Улица (тот случай, когда количество и есть цель без смысла) самодовольные, с «жанровыми» пошлостями саги, незатейливо похожие одна на другую и цветасто многословные. С самого начала:

— Когда зычная молочница, позвякивая затвором луженого серебрящегося бидона, сняла с него крышку, чтобы пролить на наш город белый рассвет, я, бичо, «проста» на секунду вышел из дому налегке в тапочках и... пропал.

После чего через сорок бессонных ночей понятливой родне «пропащего» обычно поступала категорично побуждающая к

действию «экономная», без лишних слов, телеграмма из-за Кавказских гор: «Эй. Сто. Рублируй».

В «расшифровке» депеши от правитель сообщил: «Погулял нараспашку. Как я, бедовый, здесь оказался, не помню. Денег нет. Вышлите на билеты. г. Бэнск. До востребования. В зассанном, адски лязгающем тамбуре обратного поезда, перфорирующего наружную клейкую ленту мглы желтоватым светом мутных вагонных окон, обещаю покаяться за все грехи, яростно-откровенно (незначем стесняться тех, с кем больше не встретиться!) исповедуясь перед случайными тенями незнакомцев. Они, верю, простят! И да, лет через шестнадцать, возможно, к нам в дверь постучится мальчик, похожий на меня, жуира. Настанет для вас гордое время расплаты по моим мужским долгам!»

Возвращение и карманника, и дирижера с вытянутыми зелеными лицами Улица по традиции отмечала в совершенном соответствии девизу Республики Гаити: «Liberte, egalite, fraternite». Безудержно свободно. Равно и по-братски.

Борец-вольник Горнели, в имени которого улавливалось необъяснимая потомственная тоска его предков по временам Великого Рима, мужчина лет пятидесяти, исчез, когда из-под пятницы только готовилась взглянуть обычно нетрезвая тут суббота.

Он никому не сказал, что неожиданно для самого себя вдруг совестливо вспомнил о заканчивающемся дне рождения своего именитого деда. Тот, помимо того, что до Октябрьской Революции учился вместе со Сталиным, прославился еще и как основатель одного из самых Высоких

Учебных Заведений города. За что после естественной смерти — in memory — был увековечен в строгом дисциплинирующем окружающих бюсте в погрудном срезе. С золотыми буквами почтительного по отношению к имени и фамилии шрифта. С привычной для памятника расплывчатостью черт лица.

Бюст деда Горнели стоял в Аллее Сынов, укромные уголки которой насчитывали миллионы медовых поцелуев желторотых юных пар, шлифовавших тут друг друга плоскими животами, что было так приятно почтенным окаменевшим взорам гранитных голов ученых, партийцев и военачальников...

Правда, в ночное время, когда вокруг ни души, Аллею ошутимо охватывало некое напряжение камня, бюст — самое большое противоречие на земле, хочет, чтобы его помнили, и склонен к одиночеству.

Деревеня от скорби, Горнели медленно шел по Аллее к бюсту ученого.

Его, пьяного, разрывало внутреннее чувство вины за то, что чуть было не забыл о таком событии, как юбилей родного деда.

— С Днем рождения, диду! Гости были? Что принесли? Цветы... И все?

— Спасибо! Были зубоскалы, маскирующие залысины, и тяжело парфюмированные общественницы. Много говорили, привирая... из эгоизма. Верят, что так же хорошо или лучше — тщета памяти — скажут о них, но надеются, что будет это очень нескоро.

— Ты как?

— Никому не увидеть, как в зеркале отражается темнота, — загадочно ответил дед.

Горнели налил водки в прихваченный граненый стакан, чокнулся с бюстом и выпил. Заел, пьяно, рукой, как ковшом, захватывая липкий кусок осевшего по дороге праздничного торта.

Завели разговор: человек и бюст.

Горнели рассказал деду, что как-то на международных соревнованиях в капиталистической Великобритании некая молодая

монаршая особа с важной трибуны, увидев его, мощного, как бизон, в трико побеждающего красного цвета, влюбилась в него без ума, но их будущее ложе разделили серп и молот. Не рыцарский меч.

Дед, понимая по молчанию, пожаловался, что его интеллектуальный вклад в науку и общественную деятельность мог быть больше, не начни он в преклонном возрасте тратить много времени на обесценивающие поиски нужных предметов: от массивных очков и носового платка, до импортной ручки и квадрата Дэвиса, в упор забытых им там, где они были оставлены пару «бесконечных» минут назад.

— Фигня же, внучок? — спросил он.

— Фигня! — согласился Горнели.

Ни одного высокопарного слова не проскочило меж ними.

Горнели пожаловался деду, что с недавних пор во снах стал видеть «наезжающие» на него гневные лица бывших соперников по ковру, они глазами насылают и насылают на него неистовый, все сметающий черный ураган. А он даже криком отогнать их не может: язык насухо прилипает к гортани!

Дед рассказал о том, о чем он, ученый, точно знает: гнев мгновенно (константа скорости) из любого обычно спокойного лица вылепит пугающую оскаль — хоть костер разжигай! — туземную маску. Но уже в первые двадцать четыре часа, как правило, две трети гнева бесследно испаряются, проще говоря, «убираются ко всем чертям». Процесс химически простой и наукой исследован подробно! Единственное исключение в законе — это когда голуби нагадят тебе «на всю голову»! Такой гнев — вечен!

Вместе — человек и бюст — помесялись.

— Порыбачить бы! — как-то совсем по-мальчишески опечалился подверженный смене настроений, скованный каменной немощью дед.

— Порыбачу. За нас обоих! На днях улов принесу, посмотришь, — щедро пообещал Горнели.

Человек и бюст помолчали. Вместе.

Сначала милиционерам слышалось, что нетрезвый человек разговаривает сам с собой.

Потом милиционерам послышалось, что нетрезвый человек разговаривает с кем-то невидимым, у кого выговор был какой-то необычный: слова в равнинной ночи отдавались сухим эхом падающих в горах камней.

— Что ты здесь делаешь? — насмешливо спросили они Горнели.

— Отмечаю день рождения моего деда, — ответил он, устроившись на коленях и дружелюбно представляя их бюсту.

— Ты! Кто такой? — зарывали милиционеры.

Горнели назвал те же имя и фамилию, что, к их изумлению, были высечены на цоколе памятника.

Милиционеры язвительно расхохотались, а когда, поклявшись родовыми святыми, обиженный Горнели вновь упрямо представился, они в гневе попытались было вдвоем его, борца, побить. Ногами в сапогах со свинцовыми набойками.

Дед дважды молча умолил силача Горнели не отвечать.

В конце концов (через двадцать четыре часа) милиционеры убедились: Горнели — этот достойнейший мужчина, по документам, действительно, полный в имени и фамилии тезка своему деду — не врал им, и теперь уже, извинившись перед юбиляром за опоздание с поздравлениями, все вместе они сызнова начали отмечать прерванный вчера день рождения.

Обычное явление для здешних широт: после того, как «гнев уберется ко всем чертям», разудало пятнадцать беспробудных суток кутить, преломля выпечной хлеб, соленный от пота своих создателей, с теми, с кем еще недавно бесшабашно ругался в подлый мат, рассекая плоть в тягучую кровь.

В тот предвечерний час возвращения Улица, удивленная непривычно короткой для коренных мужчин отлучкой, озадаченная отсутствием традиционной телеграммы, молча встречала Горнели, как чужака, слепо, сквозь проблески утра всматриваясь в него закрытыми замшелыми

ставнями.

«Погулял нараспашку...», — испытывая необъяснимое удовольствие от готовности лгать и ярко жестикуюя обеими руками, хрипло начал свое откровение Горнели.

Мятый, он мерцал глазами навывкате как человек, переживший дымное факельное шествие еще в Скандинавском недалеком Средневековье.

Услышал его и первым отозвался сторож подвальной плодовоовощной базы Нуги, известный любитель попустословить, особенно, если накануне пил до полного онемения:

— Ва, Горнели! — и Нуги, просыпаясь, подробнее пересказал ему двадцать один — очко! — тост вчерашнего застолья, в числе которых был и «савсэм» отличный от других: «За женщину, на ослепительную улыбку которых смотришь как против солнца!»

Ночной сторож прищурил глаза, показательно прикрыл их ладонями обеих трясущихся рук и из-под них уставился на собеседника.

— Ва! — оценивая несомненную поэтичность строк, Горнели постарался выглянуть в глаза тостующего человеком, только что пережившим катарсис.

— Ва! Ва! Ва! — заквакала вслед за ними и вся Улица, одобрительно зевая распаивающимися настеежками окнами и готовясь в очередной раз, после карманника и дирижера, безудержно свободно, равно и по-братски отпраздновать-таки возвращение Горнели, бывшего борца-вольника и нежно любящего своего деда внука.

Был я на той улице. Не так давно.

О Горнели здесь напоминает только полуоткрытый пустой почтовый ящик с его именем, написанным кем-то неизвестным обрезанной малярной кистью белесой краской по отбитому синему металлу, в проходной двора по улице с давно истекшим сроком действия адресом.

И еще одна, в беспорядке многих, глубокая трещина в грязной каменной стене дома, появившаяся в тот час, когда его не стало.

Мам... не знаю где

Рассказы

■ **Иракли ХОДЖАШВИЛИ**

СТАРЫЙ «BECKER»

Когда-то, еще в первой половине прошлого века, когда он впервые появился в доме, на него ничего, кроме нот, не клали... Пылинки сдували... точнее, осторожно протирали бархатной тряпочкой... И крышку... и ножки... и педали... А клавиши были покрыты красиво вышитой узором дорожкой... И внутрь клали маленькие мешочки с нафталином, чтобы моль не завелась и не съела войлок на молоточках... Тогда ни о каких кошках в этой комнате и речи не могло быть!

Хозяйка играла хорошо! И дочку Нану учила музыке. «Сурок» играли, «Собачий вальс»...

А что здесь было, когда собирались гости!.. Или день рождения кого-нибудь!.. Или праздники!.. Танцевали мазурки... вальсы... танго... И пели песни... Тогда много было красивых романсов и песен...

Хозяйка пела душевно... И Хозяин... И дуэтом тоже хорошо пели...

А потом пришли люди в сапогах и забрали их... тоже вместе... Все плакали...

Потом Рояль слышал что-то такое свистящее: «пятьдесят восьмая... пятьдесят восьмая...» Он и не слыхал о таких: знал «восьмую» ноту, «шестнадцатую», «шестьдесят четвертую», а вот «пятьдесят восьмую» так и не сподобилось ни услышать, ни сыграть.

Девочка, которая заканчивала музыкальную школу, все реже поднимала крышку Рояля, и на

него уже клали книги... вазочки...

А потом к ним в дом стали приходить друзья Наны по музыкальному училищу – и Рояль снова ожил!

Правда, ему немного не нравилось, как мальчишки набрасывались на него и начинали неуважительно барабанить по клавишам, играя «джаз», хотя был среди них один, который тоже играл «джаз», но другой – красивый, мелодичный, с импровизациями. Рояль симпатизировал мальчику, хотя и не мог это выразить. Он даже чувствовал, что и Нане тот симпатичен... и она ему...

А однажды вечером вдруг в дверях раздался непонятный крик, плач, смех, и в комнату ввалились обнявшиеся Бабушка, Нана и Хозяйка! Но одна... И Рояль передвинулся еще немного в угол...

Шли годы... Бабушка скончалась... Тот молодой человек после окончания училища поступил в консерваторию другого города, и Нана, получавшая первое время его письма, прятала их под струны Рояля, куда Хозяйка не заглядывала... Да и не играла сама на нем... Зато по его клавишам теперь стучали ученики Наны из той музыкалки, где она когда-то училась, а теперь преподавала.

Хозяйка часто болела... Нана разрывалась между ней и учениками. Замуж она так и не вышла... Потом и она тоже стала болеть... И теперь Рояль часто слышал другое тревожное, позмеиную свистящее, слово «депрес-с-сия», от которой «открылась язва».

Нана вышла на пенсию по болезни, а прожить на эту пенсию невозможно. Постепенно стали продавать кое-какие художественные книги и альбомы... оставшиеся еще «с прежних времен» вещи...

Стали подумывать и о продаже Рояля...

Пришел их старый знакомый – еврей-настройщик, который когда-то его настраивал, а несколько лет тому назад предлагал одиноким женщинам выгод-

ного клиента. Он взял несколько аккордов, потом полез внутрь Рояля, постучал где-то и сказал, что у Рояля треснула дека и он «не держит строй» – то ли не выдержал те морозные зимы, когда температура в неотапливаемом доме была лишь чуть выше, чем на улице, то ли, наоборот, – жару, когда асфальт плавится и нечем дышать. Кто скажет точно – почему?..

И только Рояль знал, что это все – глупости...

Если бы тогда, давным-давно, не увели Хозяйку и Хозяина... если бы тот мальчик не уехал и они не расстались бы с Наной... если бы Нана вышла замуж и у нее были дети, которые ползали бы под ним, а потом пытались бы встать на ноги, держась за его надежные ножки... если бы они потом с удовольствием просто барабанили бы по его клавишам своими маленькими ладошками, а потом осторожно тыкали бы одним пальчиком, подбирая «Чирик-Пырик», – то он еще долго держался бы... До тех пор, пока они не научились бы играть Первый концерт Чайковского!.. О! Как он мечтал исполнить этот концерт полностью! А так жить... бесцельно... не выдержала душа старого «Becker»-а...

Кошка, как будто почувствовав настроение Рояля, недовольно фыркнула, вспрыгнула на него и, привычно устраиваясь, проурчала вроде: «Ну что ты, старый, расклеился совсем!» За ней потянулись и котята, пытались вскарабкаться по ножкам, соскальзывая и оставляя новые царапины на еще сохранившемся потускневшем черном лаке...

ЗАСТОЛЬЕ

В этом доме я не был лет 65... Раз моего двоюродного брата Петьки еще не было, значит, не позже 54-го года прошлого века. (Звучит, да?)

Дом № 5 располагался на подъеме улицы Броссе, отходящей от Инженерной у набережной Куры, где была остановка автобуса № 18, на котором мы с бабушкой приезжали, садясь на него прямо около нашего дома, что было, конечно, очень удобно.

Две каменные ступени упирались в высокую резную дверь подъезда, откуда сразу же, без какой-нибудь площадки, началась крутая деревянная скрипучая однопролетная лестница с перилами слева (справа была

стена), по которой надо было под-
няться на длинный, широкий, от-
крытый деревянный балкон вто-
рого этажа, выходящий в очень
маленький внутренний дворик.

Вдоль правой стены распола-
гались двери в комнаты жильцов,
в дальнем конце балкона был
«Г»-образный загиб налево, ко-
торый упирался в дверь общего
туалета. Где-то там, в области по-
ворота, располагалась и общая
кухня с несколькими столами и
керосинками.

Первые две (кажется, две)
двери вели в комнаты, где про-
живала семья моей двоюродной
бабушки Тамары Гвердцители,
золовки моей беби, к которой мы
и приходили. Мои папа и дядя на-
зывали ее «мамида» Тамара, т.е.
сестра отца (сестра матери будет
«деида»), поэтому в нашей се-
мье ее так и звали.

Почему-то из детских воспо-
минаний мне запомнился этот
балкон, на котором, очевидно, я
и играл один, потому что дети ма-
миды Тамары, мои двоюродные
дядя и тетя, — Мишка и Нинико
(как их звали все родственники и
тогда, и потом, когда у них самих
появились внуки), — еще учились
в вузах и пока не обзавелись соб-
ственными семьями и детьми, а
других детей на балконе, как вид-
но, не было.

Помню и ветки высокой кав-
казской хурмы, которые свисали
так, что ее мелкие плоды можно
было срывать без труда. Кстати,
мне это было строжайшим об-
разом запрещено, и не только
потому, что взрослые боялись,
как бы я не свалился вниз, а по-
тому, что у этого вида хурмы есть
одна очень опасная особенность
— если ее плоды есть неосторож-
но и проглотить косточки, то они
в желудке склеиваются друг с
другом, образуя «камни» («без-
оары»), которые, застревая в
кишечнике, вызывают его непро-
ходимость. Приходилось опери-
ровать такого лакомку.

Поэтому мне давали кушать
эту хурму уже без косточек.

(Между прочим, странно, но
за всю мою последующую жизнь
я, кажется, лишь раз встретил та-
кое дерево!)

Запомнилось еще то, что в
первой комнате, слева от входа,
стояла большая низкая тахта со
множеством разного размера
продолговатых подушек-мутах,
среди которых можно было не
сразу разглядеть свекровь ма-
миды — миниатюрную княгиню
Марию Ильиничну, урожденную

Амилахвари-Хидирбегишвили, а
по мужу — Гвердцители.

Так и вижу ее лежащей со
сложенными на груди пухлыми
ручками, всю такую маленькую,
округлую, близоруко щурящуюся
и лишь изредка что-то тихо произ-
носившую, что было больше по-
хоже на шелест листьев хурмы.
Это особенно контрастировало с
энергичной и властной мамидой
Тамарой, чей голос был слышен
по всему балкону. Ее муж, дядя
Павле (Павел), работал главным
рентгенологом в Сухуми, где он и
жил один, периодически наезжая
в Тбилиси, в семью.

Это был невысокого роста,
тоже весь округлый, постоянно
курящий мужчина, довольно
энергичный и громкоговорящий,
в отличие от матери, но такой же
близорукий, как она (сказался,
вероятно, наследственный диа-
бет).

Кроме того, что он был страст-
ным курильщиком, дядя Павле
отличался еще тем, что обожал
зажигалки и часы.

Точнее, как только ему в руки
попадало что-нибудь такое, он,
немного повертев вещицу в ру-
ках, уходил в отгороженный шка-
фом и занавеской свой «угол»
(где стоял его стол, заваленный
инструментами и коробками с
разными винтиками и пружи-
нами), доставал большую лупу,
внимательно ее рассматривал и
начинал разбирать. Не помогали
ничи протесты, в том числе и
мамиды! (Сомневаюсь, что ему
хватало терпения на обратную их
сборку).

Почему решили собраться
именно в этом доме, каким об-
разом мы в него попадем, если
учесть, что вскоре (где-то во вто-
рой половине 50-х, очевидно, по-
сле кончины Марии Ильиничны),
наши съехали оттуда, я как-то не
задумывался.

Сказали — приди в такое-то
время туда-то, вот я и пришел.

Все было по-прежнему — ка-
менные ступеньки, двери, лест-
ница, которая, кажется, так и
скрипела, как прежде. Балкон,
не такой уж и длинный, оказался
не таким и широким... Туалет был
там же...

Мне показалось, что сохрани-
лся даже запах керосина, хотя,
вероятнее всего, после 90-х го-
дов, когда не было электриче-
ства, газа и отопления, к старому
запаху добавился новый и уже
основательно пропитал все сте-
ны и деревянные части дома.

Столы, которые как раз нача-

ли накрывать, стояли везде — и в
комнатах, где раньше жили наши,
и в соседних, и на балконе...

Среди женщин я заметил не-
скольких, с которыми учился еще
в первых классах... На балконе
курили и двое парней из той же
компания... Поодаль перегова-
ривались мои туапсинские дру-
зья... Мимо, неся тарелки с зе-
ленью, пробежали две девочки,
которым (могу признаться, ведь
это было в 6-ом классе) я симпа-
тизировал.

В одну из них был влюблен и
мой лучший друг-туапсинец.

Помню, одно время мы с на-
шим третьим другом, Витей, за-
бирались в заросли кустов на
склоне горки, откуда видны были
окна квартиры, где жила она, и
не мешали Саше наблюдать за
ними. Биногля у нас не было,
расстояние же было довольно
приличное.

Вряд ли (в лучшем случае)
можно было увидеть что-то, кро-
ме нечетких теней непонятно
кого, но какое это имело для него
значение! Да и для меня тоже...

Откуда-то появился папа, по-
знакомил меня с симпатичным
пареньком, сказав, что тот не-
плохо играет в шахматы и хотел
бы, чтобы я проверил его. Пока
не все столы были накрыты, мы
нашли укромное место, расста-
вили фигуры, но тут пришли толь-
ко что прилетевшие некоторые
«целиноградцы» и «душанбин-
цы», которых жизнь раскидала
по всему миру... Было уже не до
шахмат...

Наконец, начали рассажива-
ться, но люди все прибывали —
мои знакомые, сотрудники
из разных мест, где я работал,
бывшие больные — и весело рас-
саживались, как-то и где-то уме-
щаясь...

Надо было начинать ведение
стола...

Естественно, тамада — я. Об-
ратившись ко всем, до кого мог
дойти мой голос, я сказал, что так
как это какой-то необычный стол,
то я сперва пожелаю всем, чтобы
у них всегда было такое хорошее
настроение и чтобы не жалели о
том, что не сбылось...

Мне захотелось сфотографи-
роваться со всеми...

Я потянулся за моим мобиль-
ным телефоном...

И проснулся...

МУЖЧИНА ЗА НАМИ

Ну вот, наконец-то у меня есть
рубашка с воротником с краси-
вым названием «апаш», как у

мальчика из итальянского кино! Я очень люблю это кино. Там такой же мальчик, ну, чуть постарше, очень бедный и очень любит музыку, и его священник учит играть на органе, и там очень красивая музыка.

Бабушка сказала, что это «Токката» Баха. Токката – стакката! Смешно, правда?

Но музыка совсем не смешная, а очень красивая и высокая. Как будто летаешь.

Так вот, у этого мальчика рубашка с красивым воротником. И мама сказала, что сошьет мне такую. И ее подруга, тетя Кето, сшила мне ее. Тоже в мелкую клеточку. С карманчиками наверху.

А мама вышла на левом карманчике головку мальчика в матросской бескозырке. Получилось очень красиво, поэтому все на меня смотрят, но я делаю вид, что этого не замечаю.

Вот и сейчас, мы с мамой на базаре, покупаем фрукты, а мальчик, который покупает впереди нас, все время поворачивается и смотрит на матросика! Он старше меня и покупает сам, правда, по бумажке. Но я не смотрю на него, а смотрю на стрелку весов, которая так и прыгает туда-сюда, туда-сюда, без остановки, пока веселый дядя-продавец взвешивает яблоки, инжир, виноград...

Он все время говорит стихами какие-то шутки, но я не запоминаю, потому что такой прыгучей стрелки я еще нигде не видел. Потом дядя-продавец зачерпнул рукой вишню, заполняя тазик для взвешивания, и как по-о-ставил ее на весы, так стрелка опять запрыгала туда-сюда, потом он сказал какую-то цифру, и мальчик протянул ему деньги.

Дядя-продавец вытер руки о халат, и я понял, почему халат у

него весь в крови, как у продавцов в мясных рядах – это был сок от вишни, а может, граната, а может, слив или черной шелковицы!

Мальчик уже собирался уйти, когда мужчина, который стоял за нами, окликнул его: «Подожди, мальчик!» Потом он свернул из газеты, которую все это время читал, большой кулек, положил туда несколько яблок, груш, инжиров и бо-ольшую кисточку винограда. «Это тебе. Кушай на здоровье!»

«Э! А расплачиваться как будет?» – «Будем все перевешивать?» – немного придержав мальчика, как-то странно спросил Мужчина За Нами. «А! Ладно!» – махнул рукой, немного помолчав, дядя – продавец, и мальчик, сказав «спасибо!», ушел.

Потом начала покупать мама, но сейчас смотреть на стрелку было неинтересно: она медленно ползала туда-а – сюда-а и, зацепившись за какую-нибудь цифру, застывала.

Мама расплатилась, а потом, уходя, почему-то сказала тому Мужчине За Нами: «Большое вам спасибо!», хотя он нам ничего не дал. Поэтому я просто сказал всем: «До свидания!»

Когда мы отошли, я хотел спросить у мамы – надо ли всегда говорить «спасибо» всем в очереди, но мамы рядом уже не было...

И тут я проснулся.

И записал эту историю.

В которой я ни слова не придумал ни насчет мальчика в рубашке с воротником «апаш» из фильма «Прелюдия славы», (на фото – кадр из фильма), ни насчет моей рубашки с матросиком.

О.С. Мне очень нравилось само слово «А П А Ш».

До сих пор оно у меня, как и тогда, ассоциируется как с этим фильмом, так и, почему-то, с пиратами, абордажем, фехтованием на шпагах, мушкетерами, ...

Хотя какие у нас тогда были «шпаги»? Где в городе найдешь ветку, да еще и достаточно гибкую и прямую?

Вот и «фехтовались», в основном, на переменах в школе, деревянными линейками, по которым после «боев» уже нельзя было провести прямую линию.

ТАМ... НЕ ЗНАЮ ГДЕ...

Жизнь в деревне начинается еще до восхода солнца.

Женщины, не зажигая керосиновую лампу, чтобы не разбудить

детей, растапливают очаг, перебегают в хлев – доить коров, приносят из колодца или ручья воду, готовят завтрак...

Мужчины, потягиваясь, идут задавать корм скоту – свиньям, овцам, лошадям, коровам... Убирают навоз, добавляя его к куче прежнего... Меняют соломенную подстилку... Выпускают во двор птицу, которая, не успев отойти от порога, тут же начинает что-то клевать или щипать на этой, кажется, уже вытопанной и утрамбованной до окаменелости земле...

Просыпаются дети и тоже подключаются к делам – надо засыпать зерно в птичьи кормушки, налить воды...

Позавтракав, кто-то из них выгоняет скот на пастбище, кто-то уходит с родителями на работу в поле, или лес, а кто-то остается с младшими детьми и помогает по дому...

У всех масса дел и забот... Даже старики, которые еще могут сами передвигаться, стараются быть полезными – кто за малышкой присматривает, кто в огороде ковыряется, кто косу точит...

Деревня небольшая – десятка два дворов. В стороне от дорог – поблизости нет ни горячих источников, ни лечебного хвойного леса, ни соляных пещер, которые могли бы привлечь кого-нибудь...

Зимой, когда выпадает снег, или в распутицу даже случайный человек из внешнего мира уже не попадет в эту глухомань...

Дети подрастают, женятся, выходят замуж... Кто-то приводит жену – и тогда в деревне появляется новое (на первое время) лицо...

Чаще же – кто-то уходит... И редко кто возвращается...

Кладбище все расширяется...

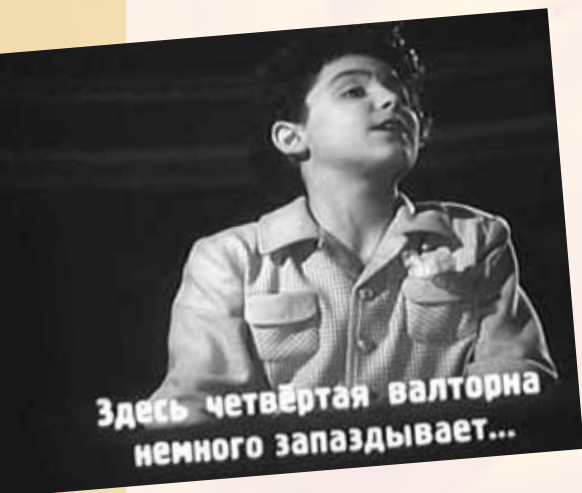
Могильные камни и кресты ветшают, зарастают мхом и травой...

И так – из года в год... Десятки, сотни лет...

Та же вечная природа... Та же вечная тишина...

И лишь местные священники знают (и то, наверное, не все) о том, что действительно происходит, какие извечные шекспировские страсти иногда бушуют под крышами и в окрестностях этой кажущейся забытой Богом деревушки, над которой я сейчас пролетел...

Да только тайна исповеди велика есть!..

Здесь четвертая валторна
немного запаздывает...

МОРЕ ЕЕ ЛЮБВИ

Из сборника «Небесный перекресток»

■ Арсен АВЕТИСОВ

Наша жизнь состоит из смеха и слез, в промежутках между которыми мы скучаем. Скучаем по тем, кого с нами нет. У каждой семьи своя история. Многие истории мы так и не узнаем, другие со временем выцветут в альбомах памяти. Некоторые из них через паутину годов будут выглядеть героическими сагами или драматическими пересказами невероятных судеб. Со временем нам будет казаться, что какие-то из этих историй произошли не с нами и не с нашими близкими и родными, и с каждым десятилетием, как это всегда бывает, будем находить в них все меньше пафоса и больше простого, человеческого. Наш ум, критичный и не склонный к слепому поклонению авторитетам, будет искать в этих историях самые веселые моменты, чтобы горечь утрат не смотрелась так обнаженно, и переживалась настолько глубоко, насколько допускает осознание безвозвратности.

Уже не у кого спросить, что происходило на самом деле, кто и почему поступил именно так, а не иначе, что было у него в мыслях, а что в сердце, и как мы оказались там, где оказались. Предполагать так же бессмысленно, как ждать ответа от мраморных надгробий или пожелтевшей бумаги с мрачным эпикризом «пропал без вести». Или как искать адреса и телефоны раскиданных по миру

родственников, когда на протяжении полувека «железного занавеса» любое упоминание о них было равносильно приговору.

Есть такая парадигма: прошлого нет, поскольку его уже не существует, а будущего нет, поскольку оно еще не существует. И есть только настоящее. Наверное, и в этом заключается правда. Но правда и в том, что для человека прошлое — это его память, а будущее — его воображение, и оба эти понятия сходятся в нашем сознании в мгновении, которое и есть наше настоящее.

Вот о таком мгновении эта история. Что-то взято из памяти тех, кто еще помнит, а промежутки заполнены воображением тех, кто это представил, потому что с этим жил и родился. Помните ли вы истории ваших бабушек? А прабабушек? Чем они жили, кого любили и как любили? Многие покинули этот мир задолго до того, как вы издали свой первый капризный крик и расправили легкие, чтобы потом наполнять их воздухом, полным надежд и разочарований, всю жизнь и по двенадцать раз в минуту. Бабушки и не представляли себе, чего вы достигнете и чем утешитесь, они не узнают никогда, кого вы полюбите, и кто вас предаст. Они не узнают и то, чем вы живете и к чему стремитесь. Но вы можете узнать о них и об их жизни. Вы можете пережить и их жизнь. Так почему мы не делаем этого? У тех, кто ушел, больше этого времени нет, а у нас, которые здесь, — еще нет? Мы с большим энтузиазмом интересуемся судьбой героев сериалов, в то время как истории наших предков появляются перед нами только при случае или по датам, которые мы отметили в календаре. Может, эта история воодушевит вас исследовать и ваши истории. И, поверьте, это будет куда более захватывающе, чем любой сериал. Актеры, отыграв, меняют костюмы и уходят в другой проект. Наши предки, отыграв, все ушли в один и тот же проект — в вечность.

Кем был мой прадед у себя на родине, в западной Армении, неизвестно. Тех, кто мог что-то подтвердить или опровергнуть, уже нет в живых. Известно только то, что, когда волна геноцида дошла до их городка, он, узнав о предстоящем погроме, не вернулся домой с работы, а с прабабушкой условился встретиться в лесу за городом, после того, как стемнеет. У прадеда было пять сыновей и ни одной дочери. Есть поверье, что если рождается больше мальчиков, то будет война. Но до войны дожил только один их сын. Когда прабабушка вспоминала о тех ужасных днях, она садилась у стола, шепотом причитала и тихо вздыхала. Делать это громко не позволял талант воспитателя, кем она была для меня пять счастливых лет моей жизни. Трудно в это поверить, но в то время я свободно говорил на западноармянском наречии, которому она меня обучила. После ее смерти язык полностью исчез из того места в моем сознании, куда его заботливо укладывала прабабушка.

Удивительно, как эта женщина, постоянно носившая черные одежды и тщательно скрывавшая волосы черной косынкой в горошек, могла без особого труда привить мне строгую дисциплину поведения. Я был озорным и очень любопытным ребенком и имел способность прятаться в самых неожиданных уголках двора, отзываясь только на ее негромкий позывной «Дорэс, балик джан?», что означало: «Где ты, дитя?» Я моментально отвечал: «Дасэм, мамэ джан» — «Я здесь, бабушка». Дальнейшее уточнение моего местонахождения, по всей видимости, не имело смысла, поскольку она успокаивалась до следующего сеанса связи или времени моего обеда. А вот сирена родителей, проникавшая во все подвалы и крыши двора, на меня абсолютно не действовала. Эта сирена заканчивалась следственными мероприятиями и погоней за мной по всему двору, как это было принято у большинства родителей нашего района, да и всего города. Это Тифлис. Кolorитная смесь народов, языков и культур. Город, где каждая улица была сценой, а каждый двор — театром. Здесь проходил

нескончаемый фестиваль театрального искусства. И хотя все участники очень старались выглядеть героями классической драмы, всегда оказывалось, что на самом деле они талантливо разыгрывали очередную комедию. Но прабабушка была далека от театральных подмоштов. Она жила своим горем.

В тот роковой день, когда она собирала детей в дорогу, в дом зашли соседи, турки по национальности. Сосед учтиво поздоровался, прабабушка ответила. Он подошел ближе и тихо, но твердо сказал:

— Ты знаешь, что происходит. С детьми ты не дойдешь, тем более с пятью и тем более с мальчиками. У нас детей нет, но мы очень хотим их иметь. Дай нам хотя бы одного. У ребенка будет шанс выжить.

Прабабушка оглядела своих детей: старшему было тринадцать, самому младшему, моему деду, три года.

— А что я скажу мужу?

— Если бы он был здесь, он бы сказал, чтобы ты оставила всех. Но мы понимаем. Ты мать. Ты их рожала и кормила. Ты дала им жизнь. Дай хотя бы одному возможность выжить!

Первым желанием прабабушки было отдать самого младшего, и она осторожно протянула руку моего деда соседу.

Но сосед остановил ее:

— Его ты можешь переодеть девочкой, и его не тронут. Старшего они точно убьют. А с остальными, может, пронесет.

Раздумывать не было ни времени, ни сил. Крепко обняв и прижав к груди своего старшего сына, она сказала, что вернется за ним. Обязательно вернется. На глазах мальчика выступили слезы. Слезы всегда наворачивались и у прабабушки, когда она рассказывала о расставании с сыном, которого больше никогда не увидит. Сосед и его жена, как могли, успокаивали ребенка. Сосед достал из кармана феску, которую принято носить у мусульман, и надел ему на голову. Его жена взяла мальчика за руку и повела к двери:

— Пойдем, пойдем, мама придет за тобой, очень скоро придет.

Мальчик оборачивался все время, пока они вдвоем шли к

выходу. Он так и не проронил ни слова, только слезы катились по его щекам. А прабабушка осталась в комнате, обеими руками обняв оставшихся четырех малышей.

Я всегда чувствовал волшебную силу ее прикосновений. Когда она меня обнимала, было ощущение, что эти объятия могут защитить меня от всего зла и несправедливости моего маленького мира. Несмотря на ее хрупкую, невысокую фигуру и узловатые пальцы, я представлял ее самой сильной и могущественной прабабушкой на Земле. Возможно, несколько несовременной. Она не жаловала телевизор и до конца жизни так и не поняла, как он работает. Более того, уже тогда она предполагала, что лица из ящика могут следить за нами, и старалась не ужинать при включенном телевизоре. Следить начали только через полвека, поэтому прабабушке не стоило беспокоиться на этот счет. Но во время ужина она упорно уходила на кухню, если был включен телевизор.

— Боятся, как бы не сглазили, — шутили домочадцы.

Вот так, без вещей, с четырьмя детьми, прабабушка, закрыв навсегда дверь своего дома, пошла по темнеющей улице к выезду из города. Где-то вдалеке раздавались крики, где-то стреляли, дома многих соседей уже были пусты. Кто-то только собирался покинуть свой дом. По дороге к ней присоединились еще две семьи. Они молча шли к окраине города, за которой чернел лес. Их остановили уже на самом выходе. Несколько янычар преградили дорогу. Соседа, единственного мужчину среди них, сразу поволокли куда-то в сторону. Солдаты, держа наперевес ружья с надежными штыками, нахально изучали дрожавших женщин и детей. Что случилось с соседями, прабабушка никогда не говорила. Здесь она делала паузу или вообще замолкала. Но я знал, что произошло с ней.

Двое самых маленьких детей спрятались за юбку матери, обхватив ее ноги. Двое других мальчиков застыли перед ней и солдатами, изучая их форму и усы. Янычары приблизились, и тут один неожиданно ткнул штыком в грудь одного из стоявших

перед ней сыновей. Ребенок, даже не успев вскрикнуть, всем своим телом навалился на штык. Солдат выдернул штык, и ребенок откинулся на спину. Прабабушка инстинктивно подхватила на руки второго сына, а сзади к ней еще крепче прильнули двое малышей. Подошел второй янычар, видимо, офицер, велел ей опустить руки. Но прабабушка продолжала прижимать к груди напуганного ребенка. Тогда янычар одной рукой отвел ее руку, а второй — полоснул по его голове саблей. Кровь брызнула на платье прабабушки, и второй сын бездыханно повис на ее руках.

Сзади завопили малыши, их крик не дал ей потерять сознание и упасть прямо на тела своих двух детей, которые минуту назад смотрели ей в глаза. Янычар начал обходить ее, пытаясь понять, кого она прячет за спиной. Прабабушка, выставив вперед моего деда в девичьей одежде, а второму прикрыв голову юбкой, чтобы уберечь от кровавого зрелища, сказала: «Это дочки». Интерес янычар поубавился, и когда их окликнули сотоварищи, по всей видимости, расправляющиеся с соседями, они и вовсе отошли от нее. Прабабушка, пригнувшись, крепко держа за руки двух оставшихся детей, побежала к лесу. Там ее ждал муж.

Этот запах до сих пор преследует меня. Я помню все оттенки неповторимого аромата смеси прокаленной коричневой муки, из так и оставшегося за гадкой сорта пшеницы, с маслом и медом. Тягучая и безумно вкусная — это была единственная каша, которую я ел безропотно и с удовольствием. Прабабушка старалась, чтобы каша получалась без комков. Она растирала смесь, пока та не превращалась в идеально однородную массу. А еще она готовила волшебный суп из мацони и булгура, который, по ее представлениям, помогал при простуде. В зимние вечера ту же роль выполнял горячий суп из конского щавеля... Если со временем картины тускнеют, звуки стираются, а слова забываются, то запахи и вкусы держатся вечно.

Своего четвертого сына прабабушка потеряла по дороге. Он

умер от тифа, как она говорила. Дети беженцев погибали тысячами, прямо на дороге... Одним словом, в Тифлис добрались только прабабушка с мужем и их единственный оставшийся в живых сын — мой дед.

Практики организованного туризма за границу в моем детстве не существовало. Ее не существовало в стране. Поэтому на лето семья снимала так называемую дачу — деревенский дом, как правило, находившийся в высокогорных районах, где летом температура не подымалась выше двадцати градусов, а ночью приходилось спать под тяжелыми одеялами, набитыми шерстью. Эти одеяла — отдельная история.

Традиционный уход за одеялами заключался в том, что их каждый год летом распарывали, шерсть промывали, а потом высушивали с помощью длинной кизиловой палки. Надо было весь день с силой хлестать гибкой палкой по разложенной на простыне шерсти, подбирая ее в воздух. Смысл, по всей видимости, заключался в насильственной аэрации шерсти. Одним словом, летом двор наполнялся свистом палок и ухающими возгласами их укротительниц. Существовала даже такая профессия (и, наверное, целая гильдия этих работников), как мойщики одеял. Правда, работа была у них сезонная, как и у мойщиков ковров. Ковры летом вытаскивались во двор. Благо в каждом дворе посередине обязательно был кран. Ковер поливали из шланга, потом мойщик, босой, с засученными штанинами, натирал ковер хозяйственным мылом с угрожающим запахом. А затем, вооружившись шваброй и шлангом, долго и методично его промывал. Мыльная вода стекала в канализацию, а остатки воды терпеливо выжимались из ковра шваброй. В заключение ковер расстилали на солнце. Эта технология существовала с незапамятных времен и вроде сошла на нет каких-то двадцать лет назад, когда появился интернет. Связи между этими двумя эпохами нет. Хотя нельзя быть уверенным ни в чем. Даже когда думаешь, что самое тяжелое уже позади.

Когда прабабушка с семьей

добралась до Тифлиса, заболел ее муж — мой прадед. Мужчины не так стойко, как женщины, переносят повороты судьбы. Через год он скончался, оставив прабабушке какое-то количество золотых монет. Сколько — неизвестно, но, видно, не так много, потому что моему деду, который уже ходил в школу, приходилось подрабатывать в мелкой торговле.

Дед был целеустремленным юношей и, возможно, уже тогда обладал лидерскими качествами, а потому выбрал партийную карьеру. А поскольку система была однопартийная, то и выбирать было не из чего. Дед окончил Институт марксизма-ленинизма (сейчас трудно представить, чему там обучали) и сразу был назначен парторгом обувной фабрики, потом — хлебного завода. Именно это назначение стало еще одним важным шагом к моему появлению на свет. В химической лаборатории завода работала моя бабушка, молодой химик, только что окончившая университет.

В самом начале лета еще можно было спрятаться под большой кроной акации, которая росла во дворе, но ближе к июлю и она не спасала от солнца и невыносимой духоты. Другое дело, когда, набегавшись по двору, забираешься на холодный кожаный диван, кладешь голову на темно-коричневый, обитый той же кожей цилиндр подлокотника и в полной тишине полуденного дома слышишь, как бьются об стекло мухи, пытающиеся догнать тебя еще со двора.

В доме было не так много предметов, напоминающих о довоенном времени, о работе деда: вот этот кожаный диван, большой ореховый платяной шкаф с зеркалом на всю дверь, продолговатый столик с выдвижным ящиком, расчерченный шахматной клеткой, и книжный шкаф, две верхние полки которого занимали стройные ряды книг в одинаковых переплетах и с внушительными корешками с надписью «Ленин — Сталин». Две личности, по всей видимости, не очень любившие друг друга, застыли в одних и тех же томах в книжном шкафу. Даже после оглушительно осуждения культа личности и выноса Сталина из мавзолея

их вынужденное соседство сохранялось в этом шкафу долгие тридцать лет.

А на средней полке всегда царил управляемый хаос, который больше всего мог привлечь ребенка. Там было все: блокноты, ручки, записные книжки, исписанные тетради, скрепки, кнопки, резинки. Одним словом — рай! А очень давно единственным предметом этого рая был револьвер, которому дед там нашел секретное место. Но поскольку об этом факте знаю даже я, то секретным это место было только для деда.

И вот, когда жара становилась совершенно невыносимой, горожане выезжали на дачи. На дачах были условия, которые сегодня можно обозначить как уровень «эконом». Но эти условия были тогда настолько привычные, что никто и не задумывался, почему у умывальника есть металлический носик, который надо поднимать, чтобы потекла вода, а потом наполнять чугунное чрево умывальника водой из родника. Или почему туалет находится во дворе. Одним словом, целый набор экзотических для горожанина прелестей, которые никого не раздражали — все относились к ним как к чему-то сопутствующему дачному образу жизни.

Но воздух, воздух! Он был настолько мощным, что утром мог сбить тебя с ног. В нем чувствовалось все: и аромат хвойных и розовых кустов, и тонкие нотки ткемали, и даже неторопливое шествие стада. Стадо проходило еще затемно, звеня колокольчиками. Коровы порой даже не мычали, поскольку пастих не давал им выпастись, и они полусонные брели в сторону лугов.

Всю молочную продукцию, сыр, овощи и фрукты приносили прямо к крыльцу дома, без заказа через интернет и мобильные приложения. Просто приносили в одно и то же время. При виде слоя сливок на мацони меня до сих пор передергивает — вспоминаю насильственное поглощение этой массы, сопровождаемое уверениями в его полезности.

Ночью к деревне подходили шакалы. Они стонали, как младенцы, брошенные в лесу, а их глаза светились желтыми огоньками в кромешной темноте ночи. Но пугали они только

нас, детей. Взрослые совершенно не обращали на них внимания за своими бесконечными вечерними разговорами при тусклом пламени керосиновой лампы. Надо сказать, что и электричество в эту часть деревни проведено не было. Лучшие времена экологического туризма. Никакой химии.

Моей бабушке нравилась специальность химика. И нравилась до такой степени, что она, после того, как родила троих детей, вышла на работу, оставив их на попечение моей прабабушки. Но не только любовь к профессии заставила ее долгие годы работать с утра до ночи...

Все началось с того самого дня, когда мой дед энергично вошел в ее лабораторию. Высокий, красивый, в кожаном плаще, с зачесанной назад плотной шевелюрой и открытым уверенным взглядом, он сразу привлек внимание бабушки. Она влюбилась раз и навсегда. Но не все так просто. Бабушка была из зажиточной семьи: ее отец владел мыловаренным заводом. Рано овдовевший, он души не чаял в своих двух дочерях, воспитанием которых занимались тетя и нанятая гувернантка. Бабушка вспоминала, что в детстве, когда им надо было куда-то выезжать, к крыльцу их двухэтажного дома подавался собственный экипаж с кучером на облучке. По ее рассказам сложно было понять, скучала ли она по тем временам, но жизнь ее в замужестве была без экипажей, гувернанток и двухэтажного дома.

Можно не гадать об отношении моего прадеда — представителя капитала, к своему потенциальному зятю — носителю идеологии свободного труда. Конечно, прадед был против такого брака. Но моя бабушка оказалась не робкого десятка. Был ли с ее стороны ультиматум или прадед сам понял, что удерживать старшую дочь невозможно, но, скрепя сердце, он все же согласился на брак, одарив бабушку хорошим приданым. Однако приданое не задержалось в Тбилиси. После того, как дед стал вторым секретарем районного комитета партии, то ли из-за козней и аппаратной игры, то ли действительно из-за напряженной ситуации на западной границе Страны Советов, его назначили парторгом полка, расквартированного под Житомиром. Бабушка, оставив старшую дочь на по-

печении прабабушки, вместе с годовалым сыном поехала к мужу. До войны оставалось девять месяцев...

В один из солнечных летних дней, которых в западной Украине в достатке, в дом к бабушке, в этот момент кормившей сына, пришел помощник деда:

— Ваш муж сегодня не придет ночевать. А вам сказал срочно выезжать в Тбилиси. В дорогу ничего лишнего не брать, только самое необходимое. Я вас сопровожу. — На удивленный взгляд бабушки коротко бросил: — Началась война.

Как тут не подумать о том, что история повторяется. Настал черед бабушки бежать и спасать своих детей. Почему детей, ведь с ней был только сын? Они ждали появления третьего ребенка. Младшая дочка родится в Тбилиси через пять месяцев после начала войны.

Повторяя про себя напутствие мужа взять самое необходимое, бабушка, положив краюху хлеба в один карман и сахар — в другой, отправляется с сыном на вокзал. Эшелоны забиты уезжающими. Помощнику деда удается посадить ее с ребенком в последний вагон. Это спасло ей жизнь: по дороге поезд разбомбили, уцелела только пара последних вагонов.

Как бабушка добралась в Тбилиси, никто не знает. Единственное, что сохранили воспоминания: весь хлеб и сахар она отдавала сыну. Полностью изнеможенная, доехала до Тбилиси и прямо на привокзальной площади потеряла сознание. В толпе окруживших ее горожан нашлась женщина, которая ее узнала: «Да это же жена нашего секретаря!». Люди были более участливыми и услужливыми... Ее с сыном проводили домой.

Осенью того же года они получили извещение, что мой дед пропал без вести, что означало только одно — среди убитых не обнаружен. А что было там, за линией фронта, кто его знает. Но можно предполагать. Дед мог сойти как за зажиточного еврея, так и за бравого коммуниста. В любом случае, не очень обнадеживающие перспективы для нахождения в плену. Но прабабушка до последних дней верила, что он вернется.

Кроме дивана, стола и книжного шкафа, была еще одна реликвия, оставшаяся от деда, которую бережно хранила прабабушка, — его белая рубашка. Время от времени она вытаскивала ее, осторожно разглаживала морщинистыми руками и о чем-то с ней говорила. С родных взяла слово, что, когда умрет, они оденут ее в эту белую рубашку сына.

Прабабушка за свою жизнь только и видела что дорогу, по которой они бежали из Западной Армении, суетливый Тифлис и летние дачи. Ее не интересовало, как работает телевизор или как Гагарин оказался в космосе, она никогда не летала самолетом, но всегда спрашивала о море.

— Какое оно, море? Не умереть, увидеть бы его.

Ей было девяносто два года, когда мы всей семьей поехали на море. Мне было почти пять, и я знал о море все. Прабабушка долго смотрела и удивлялась такому объему воды, прислушивалась к накачивающим волнам. Потом в длинной, до пят, белой рубашке, в которых современные паломники входят в Иордан, вошла в море. Она не испугалась, несмотря на то, что не умела плавать. Хотя бы эта ее мечта наконец исполнилась...

А потом мы вернулись в душный и раскаленный Тифлис.

Она ушла из жизни так же тихо, как жила. Искупавшись и, в этот раз, повязав голову белой косынкой, молча оглядев домочадцев, прильнувших к телевизору, она пошла спать. Через час, когда передача закончилась, ее окликнули. Она не ответила. Как она и хотела, ее одели в белую рубашку единственного сына, которого она так и не дождалась. Наконец она воссоединилась со всеми своими детьми. Семьи всегда воссоединяются. Не обязательно на земле...

Многих из нас вырастили бабушки, а некоторых — прабабушки. Вместе с ними мы делали первые шаги, произносили первые слова, первый раз залечивали разбитые колени. И мы знаем, каким может быть счастье. Оно — как ее беспредельное терпение, как ее нескончаемая забота, как ее ласка и доброта. Как море ее любви.

ЦВЕТ И ТЕНИ БЕЛЛЫ

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В Музее Смирновых, в окружении старинной мебели и антикварных статуэток, состоялась презентация книги «Цвет и тени Беллы Ахмадулиной», первой полной биографии гениального поэта. В зале собрались ценители ее таланта, представители творческой интеллигенции Грузии, на протяжении многих лет дружившие с Беллой.

Книгу представил один из авторов – Юрий Куликов, известный российский журналист, писатель, который в разные годы работал в «Комсомольской правде», затем – заместителем главного редактора «Литературной газеты», обозревателем «Известий», является автором нескольких книг – диалогов с Е. Примаковым, А. Вольским, А. Шохиним и т.д. Над биографией Ахмадулиной он работал вместе с супругой, также известным журналистом Мариной Завадой, многие годы руководившей пресс-службой Всероссийской государственной телерадиокомпании, возглавлявшей Дирекцию по связям с общественностью ТВ-Центра, редакцию журнала «Современные отечественные записки». Представляя публике книгу, Юрий ни словом не обмолвился о том, какой огромный объем работы они с женой провели при подготов-

ке биографии. Это толстенное издание в 926 страниц, куда, в частности, вошли ранее не публиковавшиеся стихи Беллы и фотографии из семейных архивов как самой Ахмадулиной, так и людей, друживших с ней. Помимо этого, впервые приведены документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства, военно-исторического архива, архива социально-политической истории. «Мы два года собирали материалы для книги, начали писать ее в феврале 2021 года, в июне Марина неожиданно скончалась, я долго пытался хоть как-то прийти в себя и все же продолжил работу над книгой. В конце лета 2022 года она была завершена, издательские дела заняли несколько месяцев, в итоге, она вышла в свет в марте текущего года», – сказал Юрий. Он познакомился с Беллой достаточно давно, еще в свою бытность заместителем главного редактора «Литературной газеты». В 2006 году Марина и Юрий взяли у Ахмадулиной большое интервью для «Известий», разговор продолжался больше трех часов. Публикация была размером в две газетной полосы – и понравилась Ахмадулиной. С тех пор они стали часто общаться по телефону, и как-то договорились сделать книгу диалогов – «Белла Ахатовна обрадовалась нашей идее, потому что к тому времени уже почти полностью ослепла, сидела дома одна, и ей хотелось говорить, делиться своими воспоминаниями. Мы даже стали с ней обсуждать структуру книги... Увы, через месяц у Ахмадулиной обнаружили неизлечимую болезнь». Спустя полгода Белла умерла, и

супруги решили в память о ней сделать серию бесед с Владимиром Войновичем, Мариной Влади, Михаилом Шемякиным, Евгением Евтушенко, а также с двумя дочерьми – Елизаветой и Анной. Собранный материал лег в основу книги «Белла. Встречи вослед», которую Марина Завада и Юрий Куликов издали в 2017 году.

Смело можно сказать, что «Цвет и тени Беллы Ахмадулиной» по своему содержанию – энциклопедический труд, правда, без сухого перечисления дат и событий. Это рассказ, который читается на одном дыхании, он больше похож на детективный роман. Юрий с самого начала заинтриговал слушателей, представив краткое содержание книги: рассказ о родословной Беллы начинается с итальянского предка, который в начале XIX века приехал в Россию, брат бабушки был видным большевиком, два родственника похоронены в Кремлевской стене. Мать жила в Кремле, служила в органах, и предположительно, каким-то чудом спасла от ре-

Юрий Куликов

прессий снятого со всех постов мужа. После войны работала в ООН, в совершенстве владела несколькими языками. Примечательно, что несмотря на столь «коммунистическое окружение», сама Белла терпеть не могла Ленина. Завораживающе интересно, не правда ли? Но, обо всем по порядку.

ШАРМАНЩИК С АПЕННИН

«Милая Генуя/нянчила мальчика,/думала — гения,/вышло — шарманщика!» Это отрывок из поэмы Ахмадулиной «Моя родословная». Белла всегда гордилась тем, что в ней течет итальянская кровь, и писала, что ее предком был шарманщик из Италии. Как отметил Юрий, — «получив информацию от наших итальянских друзей мы высказываем такую гипотезу: в 1812 году в составе наполеоновской армии в России появились 60 тысяч итальянцев, видимо, среди них и был предок Беллы. После разгрома французской армии, ее солдаты разбрелись по стране, наш герой, Джованни Стоппани, обосновался в Казанской губернии, женился на дочке мелкого дворянина, и в 1835 году у него родился сын — Митрофан». Со временем из написания фамилии выпала одна буква «п», и в дальнейшем, все представители рода в России писались как Стопани. В Военно-историческом архиве лежит тоненький, но информативный «Послужной список»

(по-нашему «Личное дело») военного врача Митрофана Стопани. Из него следует, что мальчик был из семьи отдан в Николаевский приют. В 1859 году окончил «курс медицинских наук в Императорском Казанском Университете, утвержден в звании Лекаря», женился на казанской помещице Александре Лахтиной и уехал в Сибирь, там у него родилось девять детей. Началась кочевая жизнь с переездами с места на место, как положено военному. Во время русско-турецкой войны работал со знаменитым Пироговым, спасая раненных солдат. Военное поприще избрали и его сыновья. Старший, Николай и младший, Иосиф, окончили Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Николай стал командиром дивизиона тяжелой артиллерии, имел чин подполковника, погиб в Первую мировую войну и похоронен в 1916 году в Трапезунде. Иосиф (в семье его ласково звали Оська) воевал вместе с братом. Вскоре началась революция, Оська вступил в белую гвардию, а затем бежал во Францию. Ходили слухи, что он отплыл на корабле вместе с Врангелем.

ДЕД-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Самым именитым среди сыновей Митрофана был Александр Стопани, революционер, который вместе с Лениным создавал «Искру». «Он был готов сделать все, что скажет Ильич. Участвовал в двух съездах партии в Лондоне, вернулся в Россию, много раз подвергался арестам, сидел в тюрьме вместе со Сталиным, во время Гражданской войны у него погибло трое сыновей», — отметил Юрий Куликов. В 1924 году Стопани уже высокопоставленный чиновник, занимал должность прокурора РСФСР и был членом Верховного суда. Позднее стал заместителем председателя Всесоюзного общества старых большевиков, жил в Кремле, у него в квартире стоял телефон с «особым номером» — «Кремль, добавочный, 2». В этой кремлевской квартире некоторое время жила и племянница — Надежда Лазарева, мать Ахмадулиной. Именно под влиянием Александра, его сестра Надежда Ми-

трофановна Стопани, бабушка Беллы, «ушла в революцию». Александр Митрофанович умер в 1932 году, хоронили со всеми почестями, урну с прахом нес сам Калинин. Александр похоронен в Кремлевской стене, справа от Мавзолея.

Наконец-то, добрались до бабушки Беллы, Надежды Митрофановны Стопани. Она оказалась, быть может, самое сильное влияние на внука. У Ахмадулиной есть замечательный рассказ «Бабушка», посвященный ей. Как сказано в книге «Цвет и тени Беллы Ахмадулиной», — «у Надежды был типичный облик современной простонародной итальянки: с широкими бровями, черными кудрями, широкими губами, широковатым, вздернутым носом». Она вышла замуж за Иосифа Барамова, уроженца Гори, отец которого работал у отца Сталина. Барамов заболел туберкулезом и революционеры отправили его на лечение в Швейцарию. Бабушка рассказывала, что кто-то из будущих большевиков присвоил деньги, предназначенные на оплату лечения, и ей пришлось в Швейцарии работать на двух работах, чтобы добыть средства на существование. Из Швейцарии они приехали в Крым, где в то время находился царь, и всех неблагонадежных без разбора сажали в тюрьму, Барамов так и умер в заключении в 1905 году.

С тех пор Надежда еще несколько раз выходила замуж, но Белла говорила, что всю жизнь она любила только Барамова. После революции бабушка отошла от революционных идей, и после рождения внучки полностью сосредоточилась на ее воспитании. Бабушке, как заслуженной революционерке, дали хорошую квартиру в Божedomском переулке №1, в знаменитом «Третьем доме Советов», где жили руководящие партработники. В этот-то дом и принесли из роддома Изабеллу. Бабушка постоянно читала ей Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Когда началась Отечественная война, они не успели вовремя эвакуироваться, т.к. Белла заболела корью, пришлось примерно еще месяц оставаться в Москве. В эвакуации бабушка с

Беллой жили в Казани, в семье матери отца Беллы, Шамсебадар Ахмадулиной, которая не говорила по-русски, и почему-то, как пишет Белла, считала их с бабушкой нахлебниками. Там Надежда Митрофановна с внучкой практически умирали с голода, однажды дочка Шамсебадар, тайком от своей матери, принесла Белле подмышкой вареное яйцо, и это Ахмадулина запомнила на всю жизнь. Надежда Лазарева узнала о тяжелом положении родных, и примчалась в Казань, чтобы забрать их к себе.

МАМА – ПОЛИГЛОТ

Мама, спустя некоторое время после окончания школы, поступила на московский электротехнический завод, была токарем по металлу и возглавляла цеховую комсомольскую организацию. На заводе произошла ее встреча с будущим мужем, Ахатом Ахмадулиным. Надежда Лазарева окончила Институт востоковедения имени Нариманова, где изучала японский, помимо него она владела еще несколькими языками. «До сих пор у Ани хранятся тетрадки с иероглифами, это бабушка учила Аню, объясняя: «Вдруг ты попадешь в Японию, надо же уметь поздороваться!», – привел этот забавный факт Юрий Куликов. На 4 курсе к Надежде Макаровне пришел человек из спецслужб, и предложил работу в НКВД, это был 1937 год, только-только родилась Белла, и в тот раз мать не уговорила. Зато, уговорили другие, и Лазареву взяли в Главное разведывательное управление Генштаба Красной армии.

После войны мама все-таки перешла в НКВД – переводчиком, она, например, переводила вывезенные из Берлина документы фашистской Германии. В 1955 году Надежда с Ахатом развелась, отец ушел из семьи и Белла обвиняла в этом мать. Та продолжала работать в КГБ, в конце 50-х ее послали в Америку – переводчиком в ООН. «Это была очень непростая, нервная работа. Однако в свободное время Лазарева любила ходить по магазинам на Манхэттене, и покупала огромное количество шмоток для себя и Беллы. Поэтому Ахмадулина была самой

модной студенткой Литинститута», – сказал Куликов.

В 1962 году маму, в звании старшего лейтенанта, уволили из органов, в 52 года она стала пенсионеркой. Председателем КГБ тогда был Александр Шелепин, и знающие люди говорили, что когда началась «Шелепинская» чистка кадров, убрали всех, кто служил во время Ежова и Ягоды. Хотя мама Беллы ни в чем «таком» не была замешана, никем не руководила, все-таки попала под общую гребенку увольнений. Лазарева подрабатывала обучением студентов, давала частные уроки, а чтобы не было скучно, устроилась сторожем в маленькой художественной галерее на Соколе в Москве. «Белла с мамой не ладила, прежде всего потому, что у дочери были идеологические разногласия с матерью, они бывало, годами не общались. Но в конце своей жизни Белла признавалась, что, возможно, была в чем-то неправа в отношении Надежды Макаровны, жалела мать», – рассказал Юрий Куликов.

МАЙОР АХМАДУЛИН

Отец Беллы, Ахат Ахмадулин, происходил из совсем бедной семьи, работал переплетчиком в типографии. В Гражданскую войну пошел воевать, – «я листал его личное дело в Федеральной таможенной службе РФ, Ахат всегда в своих автобиографиях подчеркивал, что Гражданскую войну воевал в Красной Армии, и гордился этим. В 1937 году, Ахата, который уже был крупным партийным работником, уволили. Дело в том, что он руководил парткомом в Наркомате водного транспорта при Ежове. Когда Ежова сняли, Ахмадулин тоже лишился должности, и он чудом избежал ареста. Мать Беллы в то время работала в Разведуправлении Генштаба Красной армии, есть предположения, что именно она каким-то образом «отбила» мужа, его не посадили в тюрьму», – отметил Куликов. После окончания следствия, отца Беллы назначили главным редактором журнала «Советский мотоциклист». Вскоре началась война и майор Ахмадулин храбро себя проявил. В

архиве Министерства обороны есть документ, повествующий о том, как майор, попав в окружение, уничтожил из пулемета нападавших фашистов. Отец писал Белле трогательные открытки с фронта, а потом из Австрии, где на некоторое время остался после войны. Эти открытки сохранились, но позже затерялись. Уже после смерти Надежды Митрофановны, Надежды Лазаревой, и самой Ахмадулиной, дочка Беллы, Аня, обнаружила картонную коробку с фотографиями и открытками с войны. Вот строчка из одной открытки: «Беллочка, умничка, пиши мне, почему ты перестала писать?» После возвращения на родину, Ахат начал подниматься по карьерной лестнице: возглавлял отдел контрабанды Московской таможни, был руководителем отдела кадров Всесоюзного таможенного комитета, а позднее – помощником министра.

НА ЖУРФАК НЕ ПРИНЯЛИ

В 1955 году Белла поступила в Литинститут, но до этого пыталась попасть на факультет журналистики МГУ. На вступительном экзамене одним из вопросов был – «что вы читали в передовой статье газеты «Правда»?» Она ответила, что

Ю. Мечитов. Портрет Беллы Ахмадулиной

Фото Юрия Мечитова

не начинает свое утро с чтения «Правды». Якобы, на этом основании ее не приняли. Белла устроилась внештатным корреспондентом маленькой газеты «Метростроевец», редакция которой была недалеко от дома. Ее статьи переписывали, так сказать, «делали политически правильными». В редакции работала заведующая отделом по фамилии Неволлина, она и учила Беллу «партийной журналистике». Но уже тогда Ахмадулина писала стихи. Еще девочкой стремилась к уединению, и попросила маму в коммуналке огородить ей угол, и там за ширмой, при свете зеленой лампы, сидела и сочиняла. Однажды написала продолжение «Горя от ума», и читала в драматическом кружке под бурные аплодисменты. Этот кружок находился в Доме пионеров в переулке, носящего имя ее двоюродного деда Александра Стопани. Именно на первом курсе Литинститута началась слава Ахмадулиной, она стала печататься в лучших журналах и газетах.

Уже у взрослой Ахмадули-

ной случались разные грустные эпизоды. Белла только-только удочерила Аню, кто-то сообщил в учреждение типа Собеса, что Белла нерадиво воспитывает ребенка. «Как-то раз к ней без предупреждения пришла «общественный контролер» — вдова героя Гражданской войны матроса Железняка, и стала делать замечания, давать непрошенные советы. Белла слушала-слушала, и произнесла: «мадам матрос Железняк, прошу вас покинуть мой дом». «Мадам пришла к своей подруге — Надежде Лазаревой и воскликнула: «Твоя дочь — исчадие ада!» Меж тем, Белла по-своему воспитывала дочерей, «никогда не навязывала им собственное мнение, не ограничивала свободу, и главное, она не делала разницы между приемной дочкой и родной — Лизой. Обе дочери это знают и ценят», — подчеркнул Юрий Куликов. Так сложилось, что когда девочки были маленькие, мать с ними не жила, их воспитывала няня. Тогда Белла получила квартиру, поставила стол, две кровати, но не ночевала в доме на Чернышевского, 4 ни одной ночи... Однако регулярно приезжала к дочкам. Как говорила Лиза, порой им надеть было нечего, но холодильник всегда был полон...

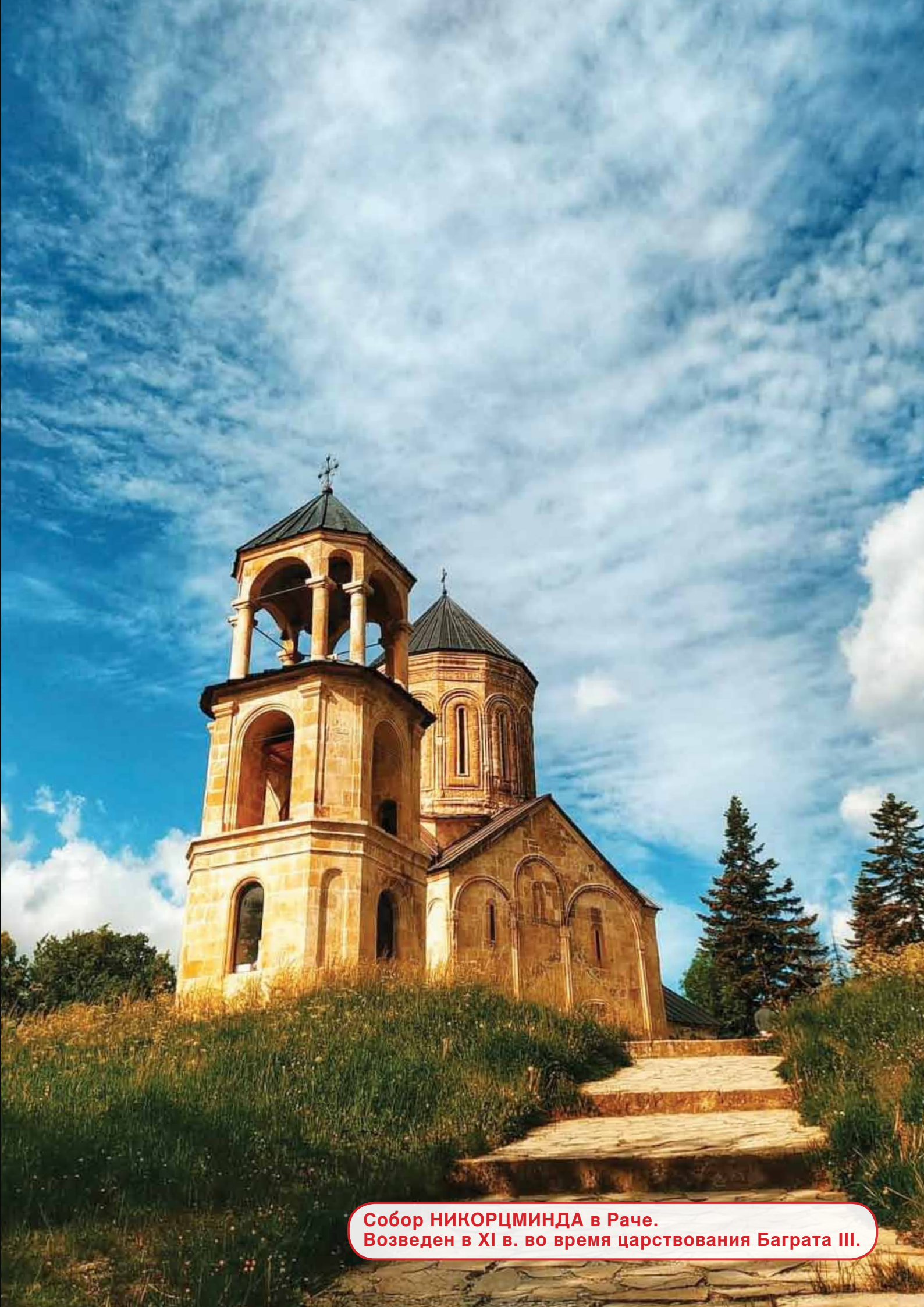
СВИТА «БЕЛЛАГВАРДЕЙЦЕВ»

«Единственное место, куда могла бы эмигрировать Ахмадулина, — Грузия», — с такими словами в книге Завады и Куликова начинается самая большая глава, которая посвящена нашей стране. Юрий особо отметил, что в Тбилиси Ахмадулину всегда сопровождала верная свита «беллагвардейцев» — друзей и коллег. Однажды, услышав, как она читала стихи грузинских поэтов в духане, незнакомые восхищенные мужчины встали и запели «Мравалджамиер». Здесь же, в Грузии, во время одного из застолий, Ахмадулина запустила туфлей в поэта, поднявшего тост за Сталина.

В середине семидесятых Белла была в Югославии, для «налаживания контактов» с местными писателями. Она жила в отеле на первом этаже, и вечерами через окно удирала от зоркого взгляда руководи-

ля делегации, чтобы встретиться с Ростроповичем. Как-то они вместе смотрели сюжет в программе «Время» про Брежнева, и Ростропович плевался в телевизор. После возвращения в Москву Ахмадулину вызвал секретарь Союза писателей: «Это правда, что вы встречались с Ростроповичем?» — «Правда» — «Правда, что он плевался в телевизор?» — «Правда, а что, надо было запретить?» — «Вы понимаете, что отныне вы больше никогда никуда не поедете из страны?» Ахмадулина сделала наивное выражение лица: «А в Грузию можно?» Она была в Грузии несчетное количество раз. Впервые приехала в 1956 году, вместе с Евтушенко, тогда они еще не были женаты. Провели месяц в Сухуми, потом отправились в Тбилиси, где Ахмадулина познакомилась с Анной Каландадзе. А вернувшись в Москву, подписала первый в своей жизни договор — на переводы стихов Каландадзе.

В следующий раз Белла приехала в Тбилиси в начале 60-х годов с новым мужем — Нагибиным. Юрий Маркович написал рассказ об истории, произошедшей с ними в хашной. Они пришли туда рано утром, заведение еще не было открыто. Стояли в очереди у дверей, и тут Белла прочитала несколько строк из Галактиона Табидзе, люди, стоявшие у входа, заволновались. Когда зашли в хашную, московским гостям на стол прислали несколько бутылок кахетинского вина. Нагибин с Ахмадулиной достаточно долго сидели. А публика, простые работяги, время от времени подходили к Белле, о чем-то расспрашивали. Вдруг подошел один человек, который выглядел, как бомж, и... заговорил на прекрасном французском языке, а потом поцеловал Белле руку. Юрий Куликов рассказал еще много интересных историй из жизни гениального поэта, но мы завершим наше повествование одним небольшим фактом. Когда лет сорок назад власти Грузии предложили ей участок земли на Черном море, Ахмадулина искренне удивилась: «Зачем мне часть Грузии, если она вся принадлежит мне?»

**Собор НИКОРЦМИНДА в Раче.
Возведен в XI в. во время царствования Баграта III.**

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ.
Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты. 1837 (фрагмент)

